

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**ГОЛОВОВОЛОМКА
ДЛЯ ПРАКТИКАНТКИ**

Черная кошка

Николай Леонов

Головоломка для практикантки

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Головоломка для практикантки / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-180060-4

В квартире на Патриарших прудах убита и ограблена пожилая женщина, вдова известного ювелира. Полковники МВД Гуров и Крячко вместе с прикрепленной к ним практиканткой осматривают квартиру и понимают, что вор знал, за чем шел, и взял только самое ценное. Это подтверждает и внучка убитой. Среди пропавших вещей – дорогая статуэтка, по-видимому, ставшая орудием убийства. Гуров понимает: если ему удастся найти статуэтку, он сможет легко вычислить преступника. Сыщик прилагает все усилия к поиску пропажи, еще не предполагая, какой ужасной окажется развязка этой кровавой истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180060-4

© Леонов Н. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Головоломка для практикантки	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	25
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	33
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	41
Глава 17	44
Глава 18	48
Глава 19	52
Глава 20	55
Глава 21	60
Глава 22	65
Глава 23	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Николай Иванович Леонов

Головоломка для практикантки

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Головоломка для практикантки

Глава 1

Очередное утро для Гурова выдалось нервным и беспокойным. Он шел на работу и понимал, что его ждет великое множество дел и еще что-то, так подсказывала интуиция. Дорога от дома до его кабинета составляла ровно 48 минут. Ходил он всегда пешком, чтобы насладиться утренними пейзажами просыпающегося города. Лев Иванович знал каждый закоулок по дороге на работу и ожидал увидеть постоянных обитателей улиц, которых встречал ежедневно. Так, во дворе соседнего дома в 6.43 почти всегда можно было увидеть худого дворника, лениво взмахивающего метлой. Метрах в двадцати от светофора, в арке, местные жильцы обычно подкармливали котиков. Среди котиков особенно ласковым был рыжий хвостатый Васька. Гуров никогда не упускал возможности погладить этого наглого кота и даже иногда баловал его каким-нибудь лакомством. Сегодня день не задался: светофор сломался, а рыжий Васек не пришел поприветствовать Льва Ивановича. «М-да, то ли еще будет...» – пробормотал Гуров, недоуменно приподнимая брови, и двинулся вперед.

Перед тем как войти в кабинет, Гуров попытался взбодриться и настроиться на работу. Только хороший настрой помогал сыщику расследовать самые сложные преступления и выполнять задания с максимальной отдачей и педантичностью. Негатива хватает везде, поэтому Гуров культивировал и возвращал в себе иногда искусственно то, чего не хватало в его далекой от романтики работе.

Едва Лев Иванович вошел в кабинет и пожал руку своему напарнику Крячко, который, к удивлению, сегодня не опоздал на работу, как в дверном проеме показался начальник. На лице Орлова расплывалась улыбка, он лукаво подмигивал. Такое поведение было несвойственно генералу, поэтому оно не забавляло, а настораживало Гурова и Крячко. И тут тело Орлова сдвинулось в сторону и пропустило вперед стройную и чертовски привлекательную девушку.

– Знакомьтесь... Анна Шувалова – студентка юридического факультета университета МВД, прибыла в наше управление уголовного розыска для прохождения производственной практики. Прошу любить и жаловать и постараться приложить максимум усилий, чтобы передать ей все свои навыки и знания, – заявил генерал.

– Здравствуйте! – твердым тоном произнесла Анна, однако пунцовый румянец выдавал смущение девушки.

– Спортсменка, умница, красавица и, надеюсь, толковый следователь в будущем, – продолжал Орлов расхваливать студентку и одновременно наблюдал за реакцией Гурова и Крячко. – Ну что, господа полковники, рады такому цветку в своем сером однотонном кабинете?

Крячко был околдован яркой внешностью Анны и не сводил с нее глаз, а вот у Гурова в выражении лица не прослеживалось особого восхищения по поводу появления в кабинете девушки. Без особого стеснения Лев Иванович выдал хлесткую фразу:

– Надеюсь, этот «цветок» будет не просто растением и украшением кабинета?... А впрочем, так даже проще.

От улыбки Орлова мгновенно не осталось и следа. Такую дерзость в своем присутствии генерал-лейтенант стерпеть не мог, но и открыто отчитывать Гурова он не собирался, уж слишком значительным был вес этого опера.

– Зайди ко мне, – бросил Орлов Гурову. – А ты, Аннушка, располагайся, знакомься, не стесняйся.

Гуров поправил и до того идеально сидящий на нем серый костюм и вышел вслед за генералом.

Лев Иванович понимал, что не сдержался, сказал лишнее, но чувствовал себя уверенно, потому как работы у него и так выше крыши, а к ней теперь еще прибавляется волокита с практиканткой.

– Петр Николаевич, прошу прощения, но я не в бирюльки играю, у меня дел – пруд пруди, нераскрытых – вагон и маленькая тележка, рук не хватает, а мне практиканток сопливых подкидывают.

– Не горячись, проходи, присаживайся, – спокойным тоном заговорил Орлов. – Чего сразу ершишься? Даже не похоже на тебя, Лева! Мне ли не знать, сколько у тебя работы, но я бы просто так тебя не потревожил. Доверяю тебе, как самому себе, поэтому и девчонку хочу в надежные руки отдать, чтобы не для галочки практику прошла, а бесценный опыт получила, понимаешь?

– Понимаю, только от этого не легче.

– Анна – талантливая девчонка, вся в отца – моего боевого товарища, которому я жизнью своей обязан. Когда-то он меня вытащил из такой передраги в Чечне, что вспоминать страшно. На своем собственном горбу меня с серьезным проникающим ранением нес по минному полю. Такое по телику не покажут. Сам с осколочными был, а не бросил. С тех самых пор я Сережке по гроб жизни...

Генерал замолчал, отвернулся к окну и незаметно смахнул слезу, ту, скупую мужскую, за которую не должно быть стыдно. Натерпелся. Гуров не ожидал такого поворота событий, он знал, что Орлов воевал в Чечне, но никогда из его уст не слышал ни слова про это, а тут такие откровения, да еще и из-за кого – из-за какой-то сопливой девчонки. Значит есть резон взять шефство над девицей.

После минутной паузы Гуров выдал:

– Не переживай, Петр Николаевич, информацию принял и понял, покажу студентке все прелести нашей профессии, только бы не сбежала. Я же тоже, когда выпускался, грезил о том, что сутки напролет буду жуликов ловить да преступления раскрывать, а оказалось, что бумажной работы чуть ли не в два раза больше, чем практической.

– Вот и ладненько, – воодушевился Орлов и потянулся рукой к бумажке на столе, – вот тебе и повод для первого боевого крещения девушки. В квартире на Патриарших прудах обнаружен труп пожилой женщины с признаками насильственной смерти. Этот труп очень ждет, когда Гуров и Крячко явятся по адресу вместе с Анной и досконально изучат, чем, а главное – кому помешала старушка. Поспешай! В квартире собрались любопытные соседки, которые так и норовят затоптать следы преступления. Бабульки утверждают, что пропало что-то весьма ценное.

– Есть поспешать!

Тем временем Анна коротала время с Крячко, который без стеснения пожирал ее глазами. Девушка не была обделена вниманием мужчин и своим хладнокровием могла без лишних слов поставить на место кого угодно, и Крячко не стал исключением.

– Студентка, значит, выпускница, – то ли спрашивал, то ли утверждал Стас.

– И студентка, и выпускница, и будущий следователь, надеюсь, если Гуров не сошлет меня практиковаться куда-нибудь в архив. Кажется, он мне не особо рад.

– Не бери в голову. Лев Иванович строгий, но отходчивый. Сразу ждать от него милости не стоит, но если будешь нам помогать, то примет в команду.

– А вы давно вместе работаете?

– Давно, некоторые столько не живут, – ухмыльнулся Крячко. – Около двадцати лет.

– А говорят, что в уголовном розыске больше пятнадцати лет не работают, слишком тяжело.

– Это слабаки столько не работают, а мы с Львом Ивановичем стойкие оловянные солдатики. Почему выбрала юридический?

– С детства мечтала стать следователем. Отец работает частным детективом, а мне всегда хотелось работать в государственной структуре, потому что больше возможностей. Очные ставки, допросы, опознания – такого частные детективы лишены.

Тут вошел Гуров, окинул взглядом присутствующих и спросил:

– Ну что, пора отправляться навстречу приключениям. На Патриарших труп. Через пару минут выдвигаемся. Если есть особо впечатлительные – заставлять не станем, можно остаться на месте и погрузиться в изучение всяких бумажек. Как такой расклад? – взглянул полковник на Аню.

– Лев Иванович, возьмите с собой, буду тихой как мышка, вы меня даже не заметите. А бумажки я обязательно изучу в свободное от трупов время.

– Ладно, так и быть. Тогда боевая готовность – две минуты, карета уже ждет внизу.

Глава 2

Когда речь заходит о Патриарших прудах, сразу вспоминаются мистические сюжеты с участием булгаковских героев. Кажется, что прохожие здесь всматриваются в лица и пытаются узнать друг в друге Мастера, Маргариту, кота Бегемота, Азazelло, Коровьева... Меж тем это место притягивает, манит не только москвичей, гостей столицы, но и отъявленных жуликов, стремящихся поживиться чем-то смачным у зажиточных обитателей района.

Люди на Патриках живут непростые – сплошь заслуженные деятели искусств, науки или представители элиты разных поколений. И сейчас, и раньше приобретение квартиры в центре Москвы было по силам далеко не всем, поэтому даже престарелые жильцы из этого района значительно отличаются от тех, что живут на окраинах города.

Сегодня на Патриарших вместо мистики подают криминал. Машина уголовного розыска марки «Форд Фокус» была подана прямо к подъезду дома. Гуров и Крячко без спешки и суеты вышли из машины и незаметно для прохожих и зевак начали осматривать местность, так, что даже Анна не поняла, что расследование преступления уже началось. Чтобы разрядить обстановку, Гуров подкалывал практикантку:

– Ну что, Аннушка, сработало твое маслице?

– Лев Иванович, я маслицем не пользуюсь, заправливаю салаты исключительно лимонным соком, – не растерялась девушка.

Крячко быстро прикинул примерное расположение квартиры: первый подъезд, четвертый этаж, угловая. Гуров в это время рассматривал содержимое урны, стоящей рядом со скамейкой.

– Лева, есть что-нибудь интересное?

– Да тут как сказать: для бомжей есть пара алюминиевых банок, для коллекционеров имеется винтажная упаковка «Беломора», а для нас – черт его знает.

– Анна, настал твой звездный час, – опять с издевкой обратился Гуров к практикантке.

Глаза девушки расширились от удивления. От неожиданного обращения она машинально сделала шаг назад: полковник недвусмысленно давал понять, что стоит выпотрошить урну. Через секунду Аня пришла в себя и подумала: «Что же ты, белоручка что ли? Как работать собираешься?»

– Я готова, Лев Иванович, – громко выпалила Анна.

– К чему? К труду и обороне? – улыбнулся Гуров, понимая, что девчонка купилась на его шутку. – Фотоаппаратом пользоваться умеешь?

– Приходилось.

– Тогда расчехлай прибор, сейчас будет фотосессия для глянцевого журнала под названием «Уголовное дело».

Полковник нырнул в багажник авто, достал сумку, вручил ее Ане и пошел дальше что-то выяснять у Крячко. Девушка аккуратно, но оперативно достала фотоаппарат и быстро разобралась, что к чему, ведь у нее была техника этой же фирмы, а она мало чем отличается друг от друга.

Первое, что сделала Аня, – проверила карту памяти, сколько осталось свободного места. Все 64 гига были заполнены. Она нажала кнопку воспроизведения, и ей открылись жуткие кадры, которые и перелистывать было страшно: обгоревшие тела, сгоревшие машины, кровь, квартира, кем-то перевернутая вверх дном. На миг ей показалось, что это не реальная съемка, а кадры из фильма ужасов, настолько впечатлял этот материал. По коже пробежала дрожь, но практикантка старалась внешне не демонстрировать испуг, потому что понимала, Гуров может наблюдать за ней, он-то точно знает, какой должен быть эффект от увиденного.

– Я могу отформатировать карту памяти? – обратилась Аня к Гурову.

- Формировать чего? – недоумевая, переспросил Лев Иванович.
- Ну, удалить все записи с флешки могу? Совсем нет места, фотосессия может не состояться.
- А, это... Можешь, конечно. Все давно скопировано, даже распечатано и приобщено к материалам дел. Так что вперед, с чистого листа, так сказать, за новыми героями для «журналов».
- Готово.
- Вот и славно. Первая локация – двери подъезда с номером, вторая – угол дома с номером, третья – урна с мусором. Ничего не упускаем из виду, все фиксируем.
- А мусор зачем? Там все-таки что-то есть?
- Об этом история умалчивает. Твоя задача: максимум полезных действий и минимум вопросов. Идет? – оборвал Гуров Аню.
- Идет, – виновато согласилась практикантка.
- Стас, будь добр, прихвати мусор из урны и давай за нами на четвертый, уже и так задержались здесь.
- Будет сделано, Лев Иванович, мы не гордые, можем и в мусорках поковыряться. Шучу, все будет в лучшем виде, – не скрывая хорошего настроения, подыгрывал товарищу Стас.

Глава 3

Поднимаясь по лестнице, Гуров не упустил возможности проверить уровень подготовки своей подопечной. Определение «хорошая девочка» даже из уст Орлова для него ровным счетом ничего не означало. Лев Иванович страсть как не любил растрачиваться на глупых людей, потому что время и собственные нервы и силы всегда были главными ресурсами в его жизни.

– Ну что, Аннушка, с чего начинать-то будем, как думаешь? Как вас там в ваших институтах сейчас учат? Может, уже мне переучиваться нужно?

– Мы учили теорию, а она, как известно, не всегда применима на практике или может отличаться, поэтому я буду руководствоваться здравым смыслом и брать пример с вас.

– О как! Мудрый ответ, а главное, и придаться не к чему, и даже лестью попахивает. Представь, меня рядом нет, и ты руководишь сейчас всем процессом расследования самостоятельно. Что бы ты сделала в первую очередь, прежде чем войти в квартиру? – поднимаясь по ступенькам, спросил Гуров.

Анна остановилась на лестничной площадке и задумалась.

– Думаю, прежде всего нужно найти понятых, чтобы вместе с ними проследовать на место происшествия. Правильно?

– Ну, уже что-то, но не совсем верно.

Анна ожидала, что сразу последует правильный ответ, но тут Гуров остановился на середине лестничного пролета и стал рассматривать стену. Ничего примечательного на ней не было. Типичный подъезд жилого дома со скромным ремонтом от управляющей компании, которая зажимает в своих карманах каждую копейку: краска и побелка. В этом доме УК даже жаднее, чем в остальных: чтобы уменьшить расход краски, она сделала площадь покрытия ниже метра от пола, так что подъезд стал больше походить на меловые пещеры, нежели на многоэтажку на Патриарших.

Гуров провел рукой по побелке, оценил свой измазанный палец и продолжил:

– Так что там, не придумала других вариантов?

– Жду ваш.

– Слушай и мотай на ус: ты должна первым делом изучить обстановку на месте, выявить вероятные пути отхода преступника и объекты, к которым он мог прикасаться, а потом уже приступать к поиску понятых, чтобы при них зафиксировать выявленное, а не ломиться сразу напрямую к трупу. Уяснила?

– Угу.

– Вот и проверим на практике, как ты усвоила материал, – заключил Гуров, остановившись у двери квартиры, в которой произошло убийство.

Аня растерялась, но не позволяла себе спешить выдавать первое, что пришло на ум. Она подумала и решительно сообщила:

– Нужен криминалист, чтобы проверить наличие следов ног на полу и рук – на входной двери, и не только.

– Здравая мысль. Будет тебе специалист-криминалист. Уже вызвал.

Глава 4

Импровизированный экзамен прервал скрип медленно открывающейся двери. В образовавшую узкую щель выглянула старушка и с любопытством осмотрела по очереди Гурова и Анну. Она чем-то напоминала улитку, которая осторожно изучает окружающую среду рожками и, если ей что-то не нравится, тут же ныряет в свою раковину. Обстановка, по-видимому, располагала к тому, чтобы старушка вышла из своего панциря, вернее, квартиры. На площадке появилась женщина лет восьмидесяти, невысокого роста, сутулая, в длинном плюшевом халате с арабским узором и махровых тапочках, больше походивших на мяли. Ее домашний наряд был пестрый, яркий, что, пожалуй, не сочеталось с ее кротким видом.

– Здравствуйте! Вы, по всей вероятности, по поводу случившегося? – начала женщина разговор. – Меня зовут Зинаида Филипповна Новикова, я – соседка Татьяны Николаевны.

Полковник, сделав паузу на несколько секунд, нескромно осмотрел явившееся «чудо» в фильдеперсовом одеянии и начал издали:

– День добрый, Зинаида Филипповна, а что, собственно, у вас тут произошло?

– Беда, беда у нас случилась, – прошептала старушка, – убили...

– Что вы говорите?! – удивленно в ответ прошептал Гуров. – И сыщики приезжали?

Старушка замолчала, от удивления приоткрыла рот и через мгновение пропищала:

– А разве вы не из уголовного розыска?

Гуров сжалился и успокоил женщину:

– Из него самого, только вот впредь будьте аккуратны и секреты незнакомым людям не выдавайте, мало ли чего, – подмигнул полковник Зинаиде Филипповне. – А теперь расскажите мне, чего тут стряслось?

Бабулька понимающе кивнула, будто теперь она была принята на работу тайным агентом сыскного отдела, миссия которого – всесторонняя помощь в раскрытии преступления, и начала свой рассказ, все так же стараясь говорить шепотом, чтобы никто ее не услышал:

– Мы с Танечкой всегда очень дружили, всю жизнь прожили бок о бок. Бывало, что ссорились, но так, чтобы серьезно и надолго, – никогда. Представьте, я ее больше пятидесяти лет знаю... Знала... Ой... – всхлипнула Зинаида Филипповна и начала вытирать слезы.

– Успокойтесь, не волнуйтесь, постарайтесь вспомнить самое важное, как дело было, слезами горю не поможешь, – подбодрил старушку Гуров.

– Да-да, верно, не поможешь. Так вот, Танюшу я знаю еще с тех пор, как нам с моим покойным мужем дали квартиру в этом доме. Мы работали преподавателями в педагогическом университете, занимались наукой, долго жили в общежитии, а потом подошла наша очередь на квартиру. Не без стороннего содействия нам выделили именно эту жилплощадь, чему мы с мужем были безмерно рады. Татьяна Николаевна с супругом на тот момент уже жила здесь. О том, как они получили квартиру на Патриарших, мне неизвестно, знаю только, что отец Тани был высококлассным ювелиром, – совсем тихо произнесла последнее слово Зинаида Филипповна.

– Вот оно как, – поддерживая беседу, протянул Гуров. – А что, и вам доводилось видеть на соседке драгоценные украшения?

– Хех, само собой! – ухмыльнулась женщина. – Таких украшений, как у Татьяны, я ни у кого не видала. Вот уж действительно, в Советском Союзе все делалось на совесть, а тут – не просто качественно, а виртуозно, можно сказать. Знаю, что отец Тани – Николай Аронович – сперва окончил художественную школу, а потом перенимал опыт у ювелира, который был знаком с самим Фаберже. Этот учитель стал одним из основателей артели, которая позже переросла в ювелирную фабрику в Москве, а Николай Аронович делал уникальные вещицы в частном порядке. Талантливый был человек, такие чудесные украшения создавал. Таня любила вспоминать отца, она очень гордилась им, а бриллианты свои обожала так, что готова была

нацепить на себя все самое лучшее и в таком виде отправиться в булочную. Я всегда ее остерегала, ведь вокруг столько подонков, готовых на все ради наживы, а она не слушала.

– А что за украшения, помните? – полюбопытствовал Гуров.

– Ну конечно, – поторопилась с ответом Зинаида Филипповна и покраснела. – Нет, вы не подумайте, я так, ради интереса рассматривала, никакой зависти, а тем более корыстных намерений я не имела.

– Я все понимаю, просто красивые вещи, так что там было?

– Ну, во-первых, несколько ожерелий с разными камнями. Одно – с крупными сапфирами – изумительно красивое: такая синева камней, что сложно передать, разве что с небом морозным сравнить можно. Второе – жемчужное. Классический вариант на все времена, именно его очень любила Таня, хотя вкуса, как я считаю, у соседки моей не было совершенно. На детях, известно, природа отдыхает. Разве можно дачный комбинезон сочетать с жемчужным ожерельем?.. Было еще аккуратное кольцо с изумрудами; брошь с бриллиантами и рубинами; серьги, конечно, – припоминаю пар пять, не меньше; браслеты и даже диадема, представляете!

– Сколько всего! – удивился Лев Иванович.

– Да, а что вы хотели, завидная невеста была, только вот замуж во второй раз Таня так и не вышла. Мужа, Александра Тимофеевича, похоронила двадцать лет назад, и лучше, чем покойный супруг, спутника она не нашла.

– А что же у вас тут целый вдовый дом? Мужчины имеются?

– Имеются, только все старые, как мое побитое молью пальто. Не жилая многоэтажка, а дом престарелых.

– Зинаида Филипповна, так, а сегодня что у вас произошло?

– Да-да-да, я все стараюсь обстоятельно рассказывать, мало ли, вдруг пригодится... К Танечке каждый день приезжал утром курьер – она заказывала готовую еду из ресторана. Варить супы у нее не было желания, а хорошая пенсия и приличный счет в банке позволяли завтракать, обедать и ужинать рябчиками из ресторанов. Так вот, сегодня доставщик не приехал. Я на каждый шорох, на каждый чих реагирую, не было никого утром. Я не придала этому сначала никакого значения, а потом слышу – на площадке какая-то суета. Оказывается, Лидка выводила свою псину на прогулку и обратила внимание на то, что дверь у Татьяны открыта, а потом я услышала, как она звонит нашему участковому, Олегу Михайловичу.

– А Лидка – это кто?

– Лидия Семеновна Туманова, вот ее квартира, – старушка указала на соседнюю дверь на лестничной площадке. – Наисквернейшая особа. Завистливая, мелочная, склочница, никто ее в доме не любит. Она все в гости к Татьяне захаживала, в подружки набивалась, чтобы выпросить что-нибудь. Пенсия маленькая, платежи по квартире огромные, а дети не помогают, да и с чего бы – она ведь им раньше тоже помощи никакой не оказывала. С внуками не общается, с остальными соседями сквозь зубы разговаривает. Тьфу, даже говорить о ней не хочу.

– Так это Лидия Семеновна обнаружила труп?

– Она. Меня рядом не было, больше ничего про это сказать не могу.

В это время послышался сильный топот снизу, будто целый табор разом поднимался по лестнице.

– Вот тебе, Лев Иванович, специалист-криминалист, понятия, участковый и я собственной персоной, – доложил Крячко.

Зинаида Филипповна попятилась в свою квартиру, будто и не было вовсе никакого разговора до этого. Гуров приказал эксперту приступать к работе, а сам отправился в логово скверного человека – Лидии Семеновны Тумановой.

Глава 5

Дверь открыла вовсе не мегера или вурдалак, а довольно приятная пожилая женщина лет семидесяти. Выглядела она опрятно: волосы собраны в тугий пучок, одежда скромная, чистая и подчеркнута строгая – светлая блузка с ажурным воротником и длинная черная юбка. Гурову эта женщина напомнила героиню фильма про аристократов, оказавшихся в нищете, но из последних сил старающихся выглядеть достойно.

– Здравствуйте, позвольте представиться, я – старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России, полковник Гуров Лев Иванович. Мне нужно задать вам несколько вопросов, вы не против?

– Здравствуйте, да, конечно, задавайте. Даже если бы я была против, разве это вас остановило бы? – вдруг пошла в наступление «милая» старушка.

Гуров немного растерялся, он не ожидал такого ответа и даже сменил тон:

– Заставить я вас не могу, это не допрос, а просто беседа, опрос граждан, так сказать, и смею напомнить, что есть статья пятьдесят первая Конституции РФ, согласно которой вы имеете полное право не свидетельствовать против себя, супруга и своих близких. Выбор ваш, не смею настаивать. – Гуров собрался уж было уходить.

– Нет-нет, постойте, я не это имела в виду. Просто иногда я неправильно выражаю свои мысли, и многие считают меня грубой и злой.

«Да весь дом!» – подумал Гуров, но терпеливо смотрел на Туманову.

– Ближе к делу: да, это я обнаружила тело Татьяны. До сих пор не могу прийти в себя от увиденного, – театрально приложила длинные пальцы к вискам Туманова. – Утром, часов в восемь, вышла на прогулку с собакой. Спешила, по сторонам даже не смотрела, а обратно возвращалась и увидела, что дверь не заперта. Я осторожно приоткрыла и окликнула Таню, но она не ответила. Тогда я заглянула внутрь квартиры, а потом прошла в спальню, где Татьяна Николаевна обычно сидела за журнальным столиком, а там... А там ее тело с пробитой головой и застывшей лужей крови. Ужасное зрелище. Сразу позвонила участковому, потому что медиков вызывать уже было бессмысленно.

– А почему участковому, а не в полицию?

– Мы с ним часто общаемся, я ему спуску не даю, пусть работает, а не прохлаждается.

Туманова замолчала и опустила глаза, давая понять, что разговор окончен и больше откровений от нее ждать не стоит. У Гурова были еще вопросы, но злоупотреблять он не стал, оставив на потом выяснение деталей.

Глава 6

– Ну что, Лев Иванович, пальчики откатал, милости прошу в дом, – с привычной для него самой фамильярностью обратился к Гурову эксперт-криминалист.

Гуров вошел в квартиру... С первых шагов Лев Иванович понял, что преступник не зря выбрал эту жертву, здесь было чем поживиться. Просторные комнаты оказались буквально забиты от пола и до потолка разными предметами антиквариата. Здесь и картины, и старинная мебель, и вазы – все, к чему не прикоснешься, стоит баснословных денег, это даже простому человеку, ничего не смыслящему в предметах старины, было ясно. Только вот все эти раритетные штуковины четко располагались на своих местах, не было ничего, что выдавало бы опустевшее пространство. Гуров проследовал в угловую комнату, где находилась спальня хозяйки, которая по внешнему виду напоминала будуар. Как-то сыщику доводилось бывать на спектакле по пьесе Островского «Невольницы», в нем играла его жена, так вот там декорации были точь-в-точь как у владелицы этой квартиры.

Интерьер в стиле ренессанс, безусловно, был ярок и наряден. Стиль прослеживался в дорогой отделке мебели из массива, в тяжелых шторах с витиеватым вензелевым рисунком золотой нитью, огромном персидском ковре на полу. Убитая женщина находилась в центре комнаты под светом хрустальной люстры с канделябрами.

– Ну что, Стас, приступаем?

– Так точно, Лев Иванович, – ответил Крячко, поудобнее устраиваясь на пуфе рядом с журнальным столиком.

– Об обстоятельствах происшествия со слов соседки из тридцать восьмой квартиры, Зинаиды Филипповны Новиковой, известно...

– Ого, когда это вы успели? – прервал Гурова Стас.

– Пока ты там с помойкой разбирался, можно было бы уже преступника найти по горячим следам. Оставь место, впишу потом то, что узнал.

– Ну, во дела... Я пропустил самое интересное, у меня теперь не сойдутся пазлы, Лев Иванович, да я теперь спать спокойно не буду, – абсолютно равнодушно к лежащему рядом трупу и даже с иронией проговорил Крячко.

– Так оно и лучше, будешь, так сказать, объективно смотреть на ситуацию, авось что-то дельное сможешь предложить по расследованию. Фиксируй: убитая – Татьяна Николаевна Фельцман. Как говорят соседи, проживала одна, была довольно обеспеченной дамой. Примерное время обнаружения трупа – 8.15.

Тут Гуров услышал звук затвора фотоаппарата и взглянул на Анну. Как опытный опер, он понимал, что новичку непросто в этот момент, ведь когда-то он и сам был молод и зелен и чуть не упал в обморок при виде трупа. Аня стояла в сторонке и ответственно выполняла порученное задание. Девушка впервые видела убитого человека так близко. Она старалась даже не дышать, настолько ее впечатлила картина, представшая ее глазам. В какой-то момент практикантке даже стало плохо, но сказать об этом, а тем более выйти из квартиры, она не захотела.

– При осмотре установлено, – продолжил Гуров, – место происшествия представляет собой жилую комнату десять на восемь метров с высотой потолка три метра. Стены отделаны тканевыми обоями бордового цвета с золотым тиснением. В спальне имеются два окна, расположенные на двух смежных стенах, оба плотно закрыты ночными шторами темно-коричневого цвета. Рамы окон деревянные, без следов взлома. Подоконники покрывает небольшой слой пыли, следы пальцев рук не обнаружены. Между окнами в углу стоит деревянная двуспальная кровать с резным изголовьем. Изголовье примыкает к стене с окном, выходящим во двор соседнего дома. Рядом на полу прикроватный коврик. На противоположной от кровати стене размещаются в шахматном порядке картины в количестве шести штук. На двух из них изоб-

ражен летний пейзаж, три картины – с цветами, и одна из них – портрет молодой женщины, предположительно, самой покойной. Под стеной с картинами в углу стоит кресло с мягкой тканевой обивкой светло-зеленого оттенка. Такое же кресло находится в центре комнаты, рядом с деревянным журнальным столиком, оно имеет пятна бурого цвета, похожие на кровь. Под портретом женщины расположен торшер с металлическим кованым основанием и текстильным абажуром. Рядом стоит напольная ваза, расписанная в китайском стиле. Слева от входной двери стоит металлическая скульптура в виде птицы. Пол покрывает ковер бежевого цвета со следами крови в центре. Пятно полусохнувшей крови размером шестьдесят на тридцать сантиметров. Справа от входной двери расположен книжный шкаф со стеклянными дверцами. Книги размещаются на пяти полках, вплотную друг к другу. На переднем плане стоят фарфоровые фигурки кукол в количестве двадцати пяти штук, а также фигурки слонов из слоновой кости в количестве семи штук. В зазоре между шкафом и стеной находится сейф с кодовым замком. Дверца сейфа открыта. Сейф пуст.

Анна слушала, как быстро и четко перечисляет увиденное Гуров и в то же время как сухо описывает он предметы богатого интерьера, которые достойны быть экспонатами в музее. Ведь это непростые вещи, которые можно найти на блошином рынке, это старина, которую хозяйка квартиры или ее отец скрупулезно собирали долгое время и, возможно, привозили из разных стран. Аня это воспринимала через призму событий, недавно произошедших в ее жизни, точнее сказать, в жизни ее отца. Дело в том, что тот по заданию клиентки пытался отыскать картину. Ревнивый муж решил отомстить жене за измены и тайно продал ее любимую картину, которая была весьма ценна не только как предмет искусства, но и как дорогая сердцу любвеобильной женщины вещь. Картину нашли с большим трудом, еще большего труда теперь стоит вернуть ее обратно, но это уже не входит в задачу частного детектива. А тут сухие определения таких изысканных вещей, с усердием собранных в одной квартире.

– Осмотр трупа, – вдруг громко сказал Гуров, прервав размышления Анны. – Труп расположен лицом вверх, головой к журнальному столику на расстоянии полутора метров от него, ноги направлены к стене с картинами, руки вытянуты вдоль туловища. На покойной надето длинное бархатное платье темно-синего цвета с запахом. Сзади платье обильно пропитано кровью. Седые волосы собраны в пучок и пропитаны кровью. В затылочной части головы в области теменного бугра обнаружена единственная глубокая рана с нарушением целостности кости, направленная сверху вниз.

– Тупым предметом нанесено, – вмешался Стас в повествование Гурова. – Что-то небольшое, но довольно тяжелое, то, чего тут, в комнате, нет.

Анна уже не слышала Крячко. У нее появилось тянущее ощущение в области желудка, обильное слюноотделение, головокружение, и она, шатаясь, выбежала из комнаты.

– И так долго продержалась, – прокомментировал Крячко реакцию практикантки на происходящее.

– Да, но показатели лучше, чем у меня молодого. Я сразу сдулся, как только парашютиста увидел. Как сейчас помню материалы того дела: с пятнадцатого этажа за долги мужика сбросили. Представляешь ту кашу на асфальте? И мне тогда, попрошу заметить, никто содействие и поддержку не оказывал, фотоаппарат для отвлечения и развлечения никто не давал. Еще и повреждения описать заставили. А какие тут повреждения, когда к горлу ком подступает. Эх, было время... Это сейчас мы, Стас, очерствели и бутерброд можем стрескать на месте, – подмигнул Гуров Крячко.

– Издеваешься, аппетит разыгрываешь, – усмехнулся Стас.

– Ну и все, значит, скажу Орлову, что адаптация новенькой будет проходить в тесном кругу сотрудников канцелярии. А что, тоже нужное дело. Почитает, попредставляет, а потом уже, так сказать, на основе нафантазированного напишет отчет по практике.

Спустя тридцать минут Аня вернулась в комнату. Пунцовый румянец выдавал ее недавние метаморфозы в организме и невероятное смущение:

- Я в строю, – тихо сказала девушка в ответ на вопрошающий взгляд своего куратора.
- Славно, только мы уже завершаем осмотр, – надменно бросил в ответ Гуров.

Глава 7

В комнате наблюдалась некоторая суета: труп готовили к отправке в морг, Крячко что-то усердно дописывал, не отрываясь от бумаги, Гуров ходил из стороны в сторону. Изымали последние вещественные доказательства: кто-то из помощников эксперта делал соскобы пятен, похожих на кровь, кто-то паковал в полиэтиленовый пакет какой-то волос непонятного происхождения. Во время этого броуновского движения была задействована дверь в спальню. Ее активно толкали туда-сюда, поскольку за ней эксперт-криминалист расположил один из своих чемоданчиков с разными принадлежностями и приспособлениями.

Аня с поникшим взглядом стояла рядом с этой дверью и уже не надеялась на снисхождение к себе. Она испытывала и досаду, и обиду, и в то же время понимала, что провалила очень ответственный и такой важный экзамен. Место рядом с выходом и люди, постоянно толкающие ее с просьбой отойти, посторониться, как бы намекали, что она сегодня лишняя в этом процессе, то самое слабое звено. И вдруг практикантка обратила внимание на скрежет, который доставлял ей некоторый дискомфорт. Не то чтобы все остальное было комфортным и приятным, но этот звук особенно резал уши. Девушка забыла о том, что обещала Гурову быть серой мышкой, и сначала опустила на колени, а потом и вовсе практически легла на пол.

На мгновение все замерли и повернулись в сторону Анны, ее неестественная поза обращала на себя внимание, и процесс сборов приостановился. Ошибки не было – звук шел именно оттуда, из-под двери. Там оказался крупный красный камень, который по размеру был настолько большим, что прекрасно размещался в просвете между полом и дверью и одной из своих граней цеплял поверхности, издавая тот неприятный скрежет, который заметила только девушка.

– А вот вам еще один вещдок, – голосом победителя сообщила практикантка.

– Только не бери в руки! – бросился со всех ног и упал на пол Гуров.

Аня и не собиралась доставать этот камень, она все прекрасно осознавала, что на нем могут быть отпечатки пальцев убийцы, это и без университетов было понятно. Девушка испытывала ликование: она и никто другой, только она смогла найти этот ценнейший предмет. Он мог совершенно не пригодиться в дальнейшем, но в данный момент времени он принес ей успех и одобрение Гурова, а также реабилитировал ее в собственных глазах.

Осторожно, с помощью пинцета, Лев Иванович извлек камень. Это был потрясающей красоты рубин. Аккуратно, едва дыша, он передал находку эксперту и подошел к Крячко.

– А она небезнадежна, – шепнул он на ухо Стасу. – Пожалуй, толк будет. Берем.

– Благодарю за помощь, Аннушка. Пришло и твое время собирать камни. Не робей, всему научим, – лукаво подмигнул девушке Гуров.

Анна расплылась в улыбке – о большем в этот первый день практики ей и мечтать не приходилось. У нее было огромное желание позвонить отцу и рассказать о том, какие приключения с ней происходят, но свободной минуты не предвиделось. В комнате появилось новое лицо – внучка покойной.

Глава 8

На пороге возникла молодая женщина лет тридцати, совершенно непривлекательная, в каком-то сером одеянии, дополнительно обезличивающем и без того заурядную внешность, в очках, которые постоянно опускались на кончик носа и требовали возвращения на прежнее место. Ее сопровождал участковый, который и сообщил Гурову о том, что это Жанна Вайцеховская – внучка Татьяны Николаевны Фельцман.

Так получилось, что, войдя в спальню, Жанна остановилась и оказалась плечом к плечу с Аней. Они были одного роста, но в остальном девушки настолько отличались, что напоминали одну из тех картинок в рекламе, когда показывают результат «до и после». Жанна рядом смотрелась бледно, невзрачно и проигрывала Анне своим тусклым образом.

Чарующая и такая изысканная красота практикантки недаром покорила Крячко с первого взгляда. Балагур и весельчак буквально потерял дар речи при знакомстве с нею. Невозможно было выделить у Анны какую-то изюминку, она состояла из одних только достоинств, бывает же так, что человек не просто красив, а потрясающе красив от природы. Однако нужно отметить, что Аня умела подчеркнуть природные данные антуражем. Великолепный вкус и материальная поддержка отца позволяли Аннушке одеваться изысканно. Модная одежда, дорогая сумочка, туфли известной марки – все это не ускользнуло от внимательных глаз Гурова. Жена научила его разбираться в дамских штучках, поскольку немалая часть средств из семейного бюджета утекала именно на гардероб, а также на косметологические процедуры, маникюр и педикюр. Гуров был не против таких растрат, он и сам любил выглядеть с иголочки и сводить с ума женщин терпкими нотками своего люксового парфюма.

– Прошу вас, подойдите ближе, – прервал Гуров тишину в комнате, обратившись к Жанне. – Кем доводится вам гражданка Фельцман?

– Это моя... Бабушка моя... Бабуля, – едва слышно прошептала Жанна и одновременно смахнула слезу и подвинула к переносице очки.

Было заметно, что Жанна волнуется, но ее максимально сдержанная реакция даже немного удивила присутствующих. Молодая женщина стояла неподвижно на одном месте и будто бы боролась со своими эмоциями. Прошло десять минут, и за это время не произошло ровным счетом ничего. Внучка убитой стояла и рассматривала лежащий перед ней труп бабушки, не задавая вопросов.

– Унесите, – скомандовал Гуров, – а родственницу покойной попрошу пройти на кухню.

Жанна покорно пошла за Гуровым, все так же не поднимая глаз. Анна хвостиком побрела за остальными, чтобы не пропустить что-либо интересное.

– Представьтесь, пожалуйста. Назовите свое полное имя, а также сколько вам лет и кем вы доводите покойной, – начал беседу Гуров.

– Жанна Валентиновна Вайцеховская, тридцать один год, внучка Татьяны Николаевны, – робко ответила молодая женщина.

– Как и когда вам стало известно о произошедшем?

– Мне позвонила соседка бабушки – Зинаида Филипповна, – сказала и замолчала Жанна.

– Дальше... – поторопил Гуров.

– Она сказала, что бабушку убили, – выдавила из себя Жанна и снова затихла.

– Продолжайте, продолжайте, – подбодрил молодую женщину Гуров.

– Я сначала не поверила, подумала, что это какая-то злая шутка, – проговорила Жанна и вновь остановилась.

– А дальше-то что было? – не выдержав, спросил рядом стоящий Крячко.

Гуров бросил недовольный взгляд на Стаса, намекая на его несдержанность.

– Потом позвонил участковый и подтвердил смерть бабушки. Я выбежала из дома, поймала на улице такси и по дороге сюда попала в жуткую пробку, – совсем тихо пробормотала внучка хозяйки квартиры.

Было заметно, что Жанна очень напряжена, ее беспокоят незнакомые люди рядом и вся ситуация в целом. Родственники убитых, коих Гуров с Крячко повидали немало, так себя не ведут. Кто-то беспрерывно плачет и не может вымолвить ни слова первые минуты, кто-то, напротив, строит свои версии произошедшего и с ходу выдает перечень лиц, которые могли бы, по их мнению, совершить преступление. У Жанны была некоторая заторможенность. Она отвечала на вопросы, но вяло и как-то нехотя. Такая медлительность раздражала Стаса, и Гуров, оценив всю сложность ситуации, понимая, что скоростью тут правды не добьешься, вызвал Крячко выйти в коридор на пару слов.

– Ну ты чего? – недовольно спросил Гуров товарища. – Чего торопишься?

– А чего тянуть кота за хвост, Лева? Ты же сам видишь, что она – ни рыба ни мясо.

– Это тебе не закоренелых жуликов колоть. Я вижу, что ты тоже заметил странности в поведении, но тут какой-то иной подход нужен. Психология, брат, психология, понимаешь?

– Подумаешь, цаца. Надавить малость, и речи ручьями польются. Ты видел, какая серость эта Жанна?.. Бабуля – миллионерша, а эта – как нищенка с паперти. Не будет сюрпризом, если окажется, что эта серая мышь и грохнула свою бабу, а потом пришла на место преступления посмотреть на результат своей работы.

– Твои выводы поспешны и необдуманны. Стас, я тебя не узнаю, – укорил Гуров Крячко.

Лев Иванович действительно считал, что не стоит торопиться, но в голове у него были те же мысли, что и у Крячко, ведь недаром столько лет они работают бок о бок. Только вот Стас все свои догадки никогда не мог держать при себе, а Гуров всегда отличался сдержанностью, принимал только взвешенные решения, поэтому и слыл среди коллег одним из самых лучших сыщиков Москвы.

– Стас, убирай лишних людей с «поля боя» и возвращайся на кухню, – охладил тон беседы Гуров.

– Будет сделано, – подчинился Стас, как бы соглашаясь со своими ошибками.

Глава 9

Когда покойную увезли, а из квартиры удалились сотрудники, честно и добросовестно выполнившие свои обязанности, воцарилась тишина. Оставшаяся небольшая группа людей сосредоточилась на кухне, где Гуров продолжил беседу с Жанной:

– Расскажите о своей бабушке, о ее жизни. Возможно, вам известно, что пропало из квартиры?

– Да, известно, – опять занервничала Жанна и посмотрела Гурову прямо в глаза.

Это было короткое мгновение, когда с Вайцеховской впервые был установлен зрительный контакт. Потом вдруг молодая женщина быстро опустила глаза. Гуров наблюдал за всеми движениями Жанны, она была сама не своя. С одной стороны, казалось бы, ее можно понять, ведь у нее умерла родственница, но с другой – поведение выдавало все больше и больше странностей. Лев Иванович, продолжая разговор, встал со стула и заходил по кухне. Тем временем он заметил одну очень важную вещь: Жанна сидела ровно и то и дело скручивала и раскручивала край скатерти, свисавший со стола. Она скручивала край скатерти так плотно, что получалась трубочка. Эта трубочка что-то напоминала полковнику, но он никак не мог понять, что именно.

Опять установилось молчание. Тогда Гуров подошел к окну и, стараясь разрядить обстановку, сказал:

– Красиво тут у вас. И у бабули вашей тоже красиво, любила она красоту, верно?

– Да, верно, – подхватила Жанна. – Она всегда любила все самое красивое и яркое, и я тоже люблю, это у нас от прадеда, он был замечательным человеком.

– А не он ли нарисовал портрет вашей бабушки в молодости, тот, что висит в спальне?

– Да, он, а как вы догадались? – воодушевилась Жанна.

Гуров не ответил, но по его молчанию молодая женщина поняла, что сыщик многое знает наперед. Полковник смог расположить к себе Жанну, нашел тот самый ключик, и она наконец-то начала выдавать долгожданную информацию.

– Прадед был ювелиром, но сначала он окончил художественную школу, иногда рисовал. Здесь, в квартире, есть несколько его картин, в том числе и портрет, который вы заметили. Бабушка на нем совсем молодая, ей всего лет пятнадцать-шестнадцать. Николая Ароновича все уважали, он прожил хорошую, долгую жизнь и умер в девяносто три года, в отличие от бабули.

– А чем же была плоха жизнь бабули?

– Нет, я не это хотела сказать, просто вот как случилось, видите, – пояснила Жанна, имея в виду внезапную кончину Татьяны Николаевны.

– А Николай Аронович, ваш прадед, был искусным мастером, имел дело с драгоценными камнями? – продвигая дальше беседу, спросил Гуров.

– Ну естественно, в его золотых руках побывали самые крупные самоцветы нашей страны, он делал огранку лучших алмазов, я уж не говорю о золоте и серебре.

– А как попадали в его руки эти ценности, по каким-таким каналам?

– Этого я точно не знаю, вот только известно мне, что он настолько был хорош в своем деле, что его заказчики платили ему этими камнями. А теперь его работы в лапах убийцы.

– Может быть, пройдем в спальню, где как раз и поработал этот негодяй?

– Как скажете.

Жанна вновь переступила порог комнаты, в которой произошло убийство, и столкнулась глазами с огромным кровавым пятном на ковре. Гуров понимал, что снова может потерять контакт с молодой женщиной, и начал издали:

– Как же здесь много предметов искусства, эти пейзажи, великолепный портрет, а потрясающий торшер с бархатным абажуром!

Анна, услышав столь хвалебные оды в адрес интерьера, немного опешила, ведь совсем недавно из уст Гурова исходили сухие формулировки: картины и статуэтки описывались исключительно по количеству, а торшер был не потрясающим, а самым обыкновенным с текстильным, а не бархатным абажуром.

– Да, вы правы, в этой квартире каждая вещица имеет свою историю. Взять хотя бы эту антикварную скульптуру павлина. – Жанна плавно указала налево.

Анна припомнила: «Ага, она же, по словам полковника, – скульптура металлическая в виде птицы».

– Так-так, и что с ней? – внимательно слушал Лев Иванович.

– Это бронзовая скульптура-шкатулка. Ее прадед получил в награду за то, что правильно обработал один крупный алмаз, который в процессе огранки не раскололся на множество маленьких частей, как часто бывает, а потому камень не потерял свою стоимость. «Павлин» был очень дорог Николаю Ароновичу. Это японская вещица конца восемнадцатого века. По всей вероятности, в те времена, когда прадеду подарили эту скульптуру, она не была столь ценной, как сейчас. В наше время антиквары гоняются за такими штуками. Или вот, хотя бы взять эти многочисленные статуэтки на полках, они стоят целое состояние, но все они были лишь памятными вещицами, подарками разных знаменитых людей нашего города из того, прошлого поколения. Никто и не думал их выставлять на продажу.

Тут Жанна перевела взгляд на открытый сейф и опять побледнела.

– А что же украшения? – продолжил Гуров, продвигая рассказ к самому интересному моменту.

– Меня никогда не интересовали эти украшения, но бабушка их очень любила.

Жанна резко отвернулась и села на пуф, где недавно вольготно располагался Крячко. На журнальном столике, стоящем рядом, были фотографии покойной в рамках, вчерашняя газета, чашка недопитого чая и салфетница в виде лебедя. Вайцеховская взяла одну салфетку и по старой привычке, подмеченной Гуровым, начала скручивать ее в трубочку. Молодая женщина опять нервничала.

– Бабуля всегда старалась хорошо выглядеть. Каждый день начинался у нее с того, что она приводила себя в порядок, словно собиралась в театр или на выставку. Даже отправляясь на дачу, она пудрила себе щеки и лоб и красила губы красной помадой. Что уж говорить, и драгоценности всегда были на ней.

– И вы можете описать все ее многочисленные бриллианты и алмазы?

– Конечно, даже показать некоторые смогу.

– Это как?

– В наших семейных альбомах осталось много фотографий, где бабушка красуется в разных побрякушках, большинство из них вы сможете рассмотреть там на ней.

Гуров заметил, с каким пренебрежением Жанна говорит о драгоценностях. Он не понимал, как человек одновременно может восторгаться работами прадеда и предметами антиквариата в квартире и при этом с таким безразличием и даже брезгливостью говорить об украшениях бабушки. Что-то не клеилось у полковника, но чуйка работала, как всегда, отлично.

– Вот и славно, что у нас будут фотографии. Значит, скоро встретимся с вами снова. А расскажите о последней встрече с вашей бабушкой, может, она подозревала что-то, или в ее поведении вы заметили какие-то изменения? Давно вы видели Татьяну Николаевну? – Гуров старался узнать как можно больше информации.

– Около недели назад была здесь. Ничего примечательного – обычная встреча. Выпили по чашке чая с тортом, поговорили о жизни, пригласили ее с Вадимом на нашу свадьбу, и все.

– То есть вы были с кем-то?

– Да, Вадим – мой жених. Они были уже знакомы с бабулей, он ей очень понравился, она одобрила мой выбор и наш союз. Еще бы он ей не понравился – красивый, стройный,

обходительный и подает большие надежды как артист. У него очень тонкая душа, он такой ранимый, – романтично и даже с дрожью в голосе произнесла, очевидно, по уши влюбленная в жениха Жанна.

Гуров, понимая, что молодая женщина раскрепостилась и теперь готова к любым вопросам, воспользовался этой возможностью, причем задавал он их вразнобой, чтобы молодая особа не смогла предугадать ход дальнейших мыслей полковника:

– Жанна, взгляните на комнату еще раз, среди привычного порядка вещей нет ли того, что привлекает ваше внимание, может быть, пропало еще что-то, кроме украшений из сейфа?

– Нет, вроде бы все на своих местах, – охватила взглядом помещение молодая женщина.

– вспомните, не заводила ли Татьяна Николаевна новых знакомств в последнее время и кто чаще всего бывал у нее в квартире?

– О новых знакомствах я не знаю, но вряд ли заводила, ведь ее маршрут в основном был до ближайшего магазина и на дачу, и в обоих случаях она передвигалась на такси, потому что болели ноги. А чаще всего у нее бывали соседки – Зинаида Филипповна из тридцать восьмой квартиры и Лидия Семеновна из тридцать девятой. Лидия Семеновна частенько получала от бабушки подарки, она ее почему-то всегда жалела.

– А что же это были за подарки?

– Ерунда всякая. Что могут дарить друг другу пенсионерки? В основном – из одежды и продуктов что-нибудь.

– А не было ли зависти у Лидии Семеновны к убитой, как вы считаете?

– Вы что, подозреваете эту старушку? Ну не знаю... Она мне, конечно, никогда не нравилась, но соседей не выбирают, тем более это бабушкина подруга, а не моя. Мне всегда казалось, что она использует бабулю в своих корыстных целях, но я не придавала этому особого значения. У бабушки было достаточно средств, чтобы жить достойно самой и помогать окружающим.

– А вам Татьяна Николаевна помогала?

– Мне? Я взрослый человек, в помощи не нуждаюсь, – опять опустила глаза Жанна, потянувшись за новой салфеткой, и пальцы молодой женщины стали ее скручивать. – Стоп, здесь на журнальном столике всегда стояла фарфоровая статуэтка «Юдифь». Сейчас ее нет. Пропала...

– А что это за статуэтка, как она выглядела, описать сможете?

– Конечно! А помните, в советское время очень были распространены репродукции «Юдифь», там изображена женщина с мечом, та самая «Юдифь», которая сначала соблазнила, а потом убила мужчину, отсекла ему голову. Довольно страшная история и коварная женщина, хотя она и действовала из чувства мести, во имя справедливости. Этот мужчина был полководцем, он уничтожил все посеи и мужское население, а женщина отомстила ему таким изощренным способом. Это библейский сюжет, между прочим. Так вот, статуэтка представляла собой женщину с мечом. Сама скульптура сделана из фарфора, а меч – бронзовый. Восемнадцатый век, тоже предмет старины и довольно ценный. А мне никогда не нравилась эта «Юдифь», всегда считала ее злом и просила бабушку убрать подальше, вынести из спальни.

– А какое основание было у статуэтки?

– Она была крупной, тяжелой, несмотря на то что фигурка казалась воздушной, все из-за основания, оно цилиндрической формы и очень массивное, даже не знаю, из какого материала.

– Как хорошо вы умеете описывать предметы! – искренне удивился Гуров.

– Просто эти предметы у меня перед глазами с самого детства, и историю появления каждой вещи мне рассказывали не единожды, тут даже двоечник запомнит.

– Может, вы и этот предмет тоже узнаете? – вспомнил Гуров о находке Анны и достал из чемодана упакованный в пакет камень.

– О, откуда это у вас? Узнаю, конечно! Это рубин – весьма и весьма ценная вещица, потому что он очень крупный. Обычно считается, что рубины больших размеров, как правило,

подделка, но в данном случае прадед имел дело с великолепным камнем. Сейчас выращивают рубины искусственно, а тогда это был настоящий шедевр. Этот рубин был частью композиции, частью букета из камней в броши. Где теперь эта брошь? – задумчиво сказала Жанна и загрустила. – Ведь это была семейная ценность, реликвия.

– Спасибо вам большое, Жанна Валентиновна, вы очень помогли следствию. В целях скорейшего раскрытия жестокого убийства вашей бабушки прошу вас сохранять всю полученную информацию в тайне и в ближайшее время жду вас у себя в кабинете с фотографиями украденных драгоценностей. Если вдруг что-то вспомните, позвоните по этому номеру, – вручил полковник карточку с телефонным номером Жанне.

– А как же квартира?

– Не беспокойтесь, все будет как в музее, мы ее опечатаем и оформим в качестве объекта охраны.

Жанна последний раз осмотрела комнату, сунула в карман скрученные салфетки и ушла. В квартире остались трое: Гуров, Крячко и Анна. Воцарилась тишина... Думали об одном, но каждый по-своему.

– Ну что, дамы и господа, каковы впечатления? Есть ли светлые мысли в ваших головах? В каком направлении будем двигаться? – стал задавать вопросы Гуров.

– У меня все смешалось, мне нужно сделать паузу и хорошенько подумать, – призналась Аня.

– Я тоже пас, я всей информацией не владею. Это ты тут с аборигенами секретничал, а я, как ты выразился, в помойках копался, – припомнил Гурову Стас.

– Ты что, шуток моих не научился понимать за наши сто лет службы и дружбы? Стас, ты меня сегодня удивляешь! Не Аннушка ли, часом, на тебя так повлияла? – подначил Лев Иванович, заметивший нескромные взгляды Крячко в сторону практикантки. – А ты, Аннушка, подливай маслице, подливай. У моего сослуживца как раз напряженные отношения с женой. Не стена же она, в конце-то концов...

Стас был смущен и даже не мог ничего сказать в ответ. Анна, как подобает холодной роковой женщине, ничуть не обиделась на этот выпад в ее сторону. Она привыкла быть центром внимания, и все, что касалось личной жизни, оставалось только ее территорией, что сочеталось с главным принципом: ваши симпатии – есть ваши собственные проблемы. В планы Анны совершенно не входило крутить романы и кого-то уводить из семьи, куда важнее для нее было узнать, кто убил старушку. Гуров, кстати, позицию практикантки понял сразу же, но подшучивать в этой плоскости над Стасом ему никто не запрещал.

Выходя из дома, где произошло преступление, Лев Иванович вновь осмотрел территорию, строя свою, только ему известную, версию событий. Все уже сидели в машине, как вдруг Гуров открыл багажник, взял пакет и поспешил к урне с мусором. Он опять решил, что нужно опустошить ее содержимое, что удивило всех присутствующих.

– Лева, это уже прямо фетиш какой-то, раньше не замечал у тебя такой любви к мусорным бакам, – выкрикнул Крячко в окно автомобиля. – Поехали уже, нас ждут великие дела!

Глава 10

Вторая половина дня у оперов выдалась на удивление спокойной. Было время поразмыслить над планом расследования убийства Татьяны Фельцман. Гуров, Крячко и Анна переместились в стены рабочего кабинета и уже там в облаках густого табачного дыма рассуждали о том, кто может быть убийцей. Аня не курила, более того, она ранее даже не переносила запах сигарет, но сегодня она его не замечала, настолько девушка была вовлечена в процесс обсуждения круга подозреваемых по делу об убийстве. Аня не озвучивала свои мысли, она просто слушала, ведь на ее глазах гении сыска раскрывали профессиональные секреты – методы работы.

– Если это посторонний человек, который просто заметил Фельцман на улице и положил глаз на ее украшения, то у нас очень маленькие шансы его найти, – предположил Стас.

– Чего это? Будто раньше мы подобных жуликов не ловили. Такого даже проще, Стас, поймать. Такой делец может с ходу отнести улов в ближайший ломбард, даже не подозревая, что вещички уникальные. Там его и сцапать можно было бы. Или найти по описанию оценщика. Но я тебя успокою, здесь речь идет не о постороннем человеке.

– Почему ты так в этом уверен?

– Элементарно, Ватсон! Старушка открыла дверь самостоятельно, замок был абсолютно цел, а значит, человек по ту сторону двери был ей знаком. Тебе, видимо, Аннушка совсем голову запудрила, Стас, это даже как-то странно – слышать от тебя подобные вопросы, – на сей раз серьезно сказал Гуров.

– Никто мне ничего не пудрил, что ты начинаешь, Лева?! И я все-таки скажу нашим ребятам, чтобы прошерстили все ломбарды и комиссионки в округе, мало ли, может, сработает.

– Скажи, но я сомневаюсь в положительном исходе этой затее. Преступник пришел с конкретной целью, забрал только украшения, ничего, кроме них, и не оставил никаких следов. Нет ни следов обуви, ни отпечатков пальцев рук, нет ничего...

– Пока... Пока ничего нет. Ведь мы еще не видели заключения эксперта, там может вскрыться масса всего интересного, ты же знаешь, Лев. Кроме того, смею напомнить, что вместе с украшениями жулик прихватил с собой статуэтку, а она, как подсказывает мне интуиция, была задействована в убийстве. Череп старушке пробили именно чем-то тяжелым, но небольшим по размерам. По описанию статуэтка очень походит на орудие преступления. И что же получается? Преступник так готовился, так готовился, что даже не принес с собой орудие убийства? Не верю...

– Да, ты прав, – согласился Гуров и уставился в одну точку на своем столе. – Но все равно я считаю, что жертва была знакома с убийцей. Она открыла ему дверь и получила по голове не сразу в коридоре, а уже в спальне, значит, в спальню она его провела совершенно спокойно, не подозревая, что с ней может случиться что-то страшное. В коридоре тоже хватает разных штук, которыми можно было бы пробить черепушку, и при этом сделать это легко смог бы не только мужчина, но и женщина.

– На что ты намекаешь, Лева, на мою первую версию, на Жанну, да?

– Никаких намеков, только голые факты, – сказал Гуров, и глаза его как-то по-особенному заблестели. – Неси пакеты с мусором.

– Что, опять? Мне уже осточертело ковыряться в помойках, – сказал Крячко, но тем не менее поплелся в коридор.

Гуров молча ходил по кабинету. Анна не прерывала его мыслительный процесс, а лишь тихо и восторженно наблюдала за происходящим, так, словно смотрела детективный сериал.

– Вот, держи. Это первый – мой, а вот второй, тот, что ты собирал. А что, можно на полставки устроиться мусорщиками на Патрики. С нашей зарплатой – годится.

Гуров лихо опрокинул оба пакета на пол, посмотрел на содержимое, гордо поднял голову, отвернулся и отошел к окну.

– Твоя кучка меньше, – заметил, улыбаясь, Крячко.

– Меньше, но и в одной, и в другой куче мусора есть то, что их объединяет. Посмотрите внимательно, – обратился полковник к присутствующим.

Анна и Крячко активно начали рассматривать мусор, забыв о всяком отвращении.

– Что видишь, Аннушка?

– То, что обычно бывает в городских урнах: гнилую банановую кожуру, пустую упаковку от сигарет, смятую пивную банку, салфетки, товарные чеки, фантики. Ничего, что могло бы хоть отдаленно напоминать мусор из самого дорогого района Москвы.

– Садись, два. А у тебя что, Стас?

– Все то же самое, с той только разницей, что и в первом, и во втором пакете есть странные скрученные салфетки.

– Молодец, Крячко, мастерство не пропьешь! Это те самые салфетки, которые Жанна скрутила сегодня. Она и угол скатерти скручивала, и салфетки, нервная какая-то барышня.

– Ну и что тут такого? – недоумевающая, спросила Анна.

Гуров сел на свое место и снова закурил.

– Все бы ничего, только вот мусор, который Крячко изъясил сегодня утром, был вчерашним. Его выносят раз в два дня – я узнавал у соседки. А это означает, что Жанна была в день убийства в квартире своей бабушки, но нам об этом не сказала. По ее словам, последний раз она видела Фельцман неделю назад.

– А я тебе сразу сказал, что эта серая мышь еще себя раскроет, – засуетился Крячко. – А что же ты ее не задержал?

– Не будем спешить, она должна скоро явиться на допрос, вот тогда и выведем ее на чистую воду, пусть фотографии собирает, которые обещала нам передать. На одних салфетках из мусорного бака дело не шить. Анна, а что бы ты сказала о других фигурантах, есть такие у тебя на примете?

– Кого вы подразумеваете под фигурантами? Неужто соседку из тридцать девятой?

– Именно ее! Лидия Семеновна Туманова – не самый приятный в общении человек, как выяснилось и подтвердилось в ходе опроса. Ненавидит всех соседей, а те отвечают ей взаимностью. К покойной часто приходила по каким-то нуждам, получала от нее подарки. Живет бедно, имеет маленькую пенсию, при этом очень завистливая. На мои вопросы отвечала дерзко, информации дала минимум. Чем не портрет убийцы?

– Да ну, ну как может старушка убить? – рассмеялась Аня.

– Может, Аня, может. На моей памяти была такая бабуля божий одуванчик. Внешне у любого здравомыслящего человека не то что сомнений в ее адрес не появится, а даже возникнет желание чем-то помочь. Старенькая, слабенькая, скрюченная вся, а таки смогла взять топор в руки и зарубить своих взрослых детей-алкашей и мужа. Сначала под горячую руку старушки попался ее дед. Зарубила она его, когда он спал, и хотела сбросить ночью в деревенский пруд, но побоялась, что тело всплывет и все узнают об убийстве. Отправила труп в погреб.

– А как же его нашли?

– Пришла дочь, увидела кровь, стала бабушку спрашивать, куда пропал дед, та все и рассказала. Наш гуманный суд пожалел старушку и дал ей всего восемь лет. Отсидела Мелихова, вышла, а дома бардак – дети пьют, гуляют, порядка нет, вот она и порешила сына и дочь за их плохое поведение. Топор уже был другой, но не менее острый. Трупы также в погреб стащила, но не выдержала, вышла к соседям и рассказала о случившемся. Опять закрыли старушку, на сей раз до конца ее жизни. Вот такая леденящая душу история. А ты говоришь, не сможет бабушка убить.

– Ничего себе! Выходит, вы и Туманову подозреваете? – удивилась Анна.

– А это будет для тебя домашним заданием. Подумай, помозгуй, годится Туманова на роль преступницы или нет?.. Что-то засиделись мы с вами, ребята, пора по домам. Уже забыл, когда домой вовремя возвращался.

Глава 11

Домой Гуров всегда шел медленно. Это было то время, когда он приводил в порядок свои мысли. В голове, как в библиотеке, все должно быть по полкам и по алфавиту, считал Лев Иванович и был прав, потому что для сыщика очень важно при расследовании не упустить из виду ни одной детали. Все, что утром полковник замечал, на чем останавливал свой взгляд, вечером, как правило, его уже не интересовало. В этот момент погружения в себя Гурова вдруг прервал резкий сигнал автомобиля, который притормозил рядом.

– Идет, мечтает, никого не замечает, – крикнула Гурову из окна авто симпатичная женщина.

– Маша, – расплылся в улыбке Лев Иванович и поспешил сесть в машину, которая остановилась в неполюженном месте.

– Что, опять у тебя аврал? – поняла по задумчивому выражению лица мужа Мария.

– Да, как всегда, куча дел, и, как всегда, появляется то, что отодвигает все остальное на второй план. Это называется «снежный ком», а в моем случае это целая лавина, которая несется вниз, потому что у меня везде горят сроки. Еще и практикантку мне навязали сегодня, представляешь?

– Вот как! И что, даже симпатичную? – иронично изобразила ревность Мария.

– Симпатичную. Крячко оценил. Целый день глаз с нее не сводил, даже одергивать приходилось.

– Стас в своем репертуаре. Бедная Наташа, сколько она уже перетерпела таких практиканток! И ведь не бросает его, любит.

– Ладно, сами разберутся... Как у тебя дела?

– Все хорошо, дали новую роль. Скоро придется ехать на месяц на съемки в другой город, даже еще не выбрали, в какой именно. Это должен быть провинциальный городишко, а я играю влюбленную дурочку, которая терпит своего мужа-тирана.

– Ну, тогда тебе и играть не придется, у тебя ведь тоже муж – деспот: на работе пропадает, внимания не уделяет, в отпуск одну отправляет, а ты все терпишь, терпишь... – лукаво улыбнулся Гуров, напрашиваясь на комплименты.

– Да, действительно это будет моя лучшая роль, не придется долго вживаться в образ, – засмеялась супруга.

– Эх, Машка, а на самом деле как же хорошо, когда можно прийти домой и хотя бы немного расслабиться там, где тебя ждут и любят. Ты знаешь, моя мать всегда мне говорила, что залог крепких отношений в семье – это умение слышать и слушать друг друга. Она за свою многолетнюю практику работы психологом выработала одно правило, которое я практикую и в нашей семье.

– Ничего себе! А я, оказывается, подопытный кролик и ничего не знаю об этом, а в моей семье действуют какие-то правила без моего ведома. Ну-ка, поподробнее...

– На самом деле ты это правило охотно выполняешь, даже активнее меня. Это правило трех минут. Когда встречаешь на пороге члена своей семьи, просто удели ему три минуты своего времени. Спроси о том, как у него дела, чем запомнился этот день, а не нагружай сразу какими-либо обязанностями. Очень действенная штука, которая удивительным образом сближает людей.

– Да, верно, а я и не задумывалась над этим. Так, интуитивно всегда спрашиваю, да просто спрашиваю, потому что интересно. Кажется, мы с тобой попали в пробку...

– Да, я бы давно уже был дома, если бы пошел пешком.

– Не сердись. Лучше расскажи, кого сегодня убили?

Гуров иногда рассказывал жене о совершаемых преступлениях, но без лишних подробностей. Маша, как творческая натура, получала от этого какой-то адреналин, иногда подобная информация даже помогала ей в работе, пробуждала фантазию, а она срисовывала образы. На этот раз получасовая автомобильная пробка погрузила актрису театра и кино в историю о загадочном убийстве старушки с сокровищами.

Гуров избирательно рассказывал, а сам анализировал каждое слово соседок, внучки убитой и соединял их с картиной преступления. И вдруг он вспомнил о женихе Жанны. Тот будто ушел на второй план, а меж тем ведь этот герой второго плана бывал в квартире покойной. «Артист, подающий большие надежды» – именно так охарактеризовала его Жанна.

– Маша, поскольку ты вертишься во всей этой театральной и киношной среде, тебе ведь не составит труда найти по имени артиста?

– Что, даже без фамилии?

– В этом нет проблемы, я скоро ее узнаю.

– Попробую, а что именно нужно узнать?

– Все, что сможешь. Эти данные, возможно, и не пригодятся для дела, но проверить мы все же обязаны.

– Для тебя, мой милый, все, что угодно.

– Так уж и все?

– В пределах разумного, конечно.

– Тогда давай сейчас свернем налево и посетим уютный итальянский ресторанчик. Какмотришь на мое предложение?

– Налево я не хожу и тебе не советую, не бери дурной пример со своего дружка Крячко, а вот против ресторана я ничего не имею против.

– Кстати, не могу сказать, что Стас изменяет Наташе, свечку не держал, а смотреть на красивых женщин – это ведь еще не преступление.

– Я вот Наташке позвоню и расскажу про эту практикантку, пусть держит ухо востро.

– Маша, зачем? У них и так не все сейчас сладко и гладко, женщина будет волноваться, а там нет никаких предпосылок, только вздохи Крячко по молодой особе.

– Пусть знает. Печет сутками ему пирожки и щи-борщи с компотами на работу таскает, а он там взглядами баб раздевает. Нет, так дело не пойдет. Из женской солидарности я обязана, даже не отговаривай...

– Ладно, тебе, как женщине, виднее, я ведь тоже хочу, чтобы у них жизнь наладилась.

Впереди Гурова ожидал прекрасный вечер с женой, и такие минуты он очень ценил, поскольку оба часто бывали в командировках и сутками пропадали на работе, но оттого и любили они друг друга только сильнее.

Глава 12

В отличие от Гурова Анна провела этот вечер с ручкой и тетрадкой в руках. У нее было сложное домашнее задание от самого Льва Ивановича. До глубокой ночи девушка посекундно восстанавливала в памяти свой первый день практики, пыталась даже схематично изобразить план квартиры и набросать показания свидетелей.

«Главный вопрос: могла ли убить Туманова? Неужели в этой хилой старухе есть столько сил, чтобы пробить череп другому человеку? Ведь для этого нужно быть крепким не только физически, но и психологически, – размышляла Анна. – Хотя у этой мегеры хватит злости на весь дом, так что барьеров для ее психики, кажется, нет. А зачем тогда она сама позвонила утром участковому и сообщила об убийстве? Хотя, возможно, это хитрый план: так она отводит от себя подозрения, никто же не будет обвинять старушку в таком зверстве. А если действительно убийца старуха, как в том случае с бабкой, которая убила своего мужа и детей, о чем рассказывал Гуров? Совершенно чудовищная история. Нужно обязательно рассказать о ней отцу. Ах да! Как же я забыла позвонить...»

Только Анна подумала о том, чтобы набрать номер телефона своего отца, как вдруг в сумке задребезжал мобильник. В результате сорокаминутной беседы отец узнал о горестных поражениях и радостях побед этого знакового дня для дочери и был в полном восхищении как детективный агент, что его куколка, красавица и умница нашла вещдок. Гордость за свое сокровище брала верх над всеми недочетами, да и сама Анна была больше собой довольна, чем огорчена. Перекладывать на отца домашнее задание Аня не собиралась, поэтому и спрашивать ни о чем не стала, хотя он настойчиво предлагал свою помощь.

Кроме как с отцом Ане делиться сокровенными тайнами было не с кем. Мать жила в другой части страны с новым мужем. Родители развелись, когда Ане было всего 11 лет. Именно отец посвятил ей себя, вырастил, поставил на ноги да еще и сам успел профессионально реализоваться. Перед Анной был неплохой пример, к которому она всегда тянулась. Отец для нее стал опорой и образцом для подражания. И тогда, и сейчас у Анны не было обиды на мать, поскольку все самое лучшее в этой жизни дал ей папа.

Часы отсчитывали первые минуты нового дня, а в голове оставалась еще уйма вопросов без ответов...

Будильник начал пиликать в 6.30, прервав сладкий и такой короткий сон. Все привычные утренние дела сегодня совершались на автопилоте, нужно было спешить. Во-первых, Гуров не любит опозданий, а во-вторых, он наконец скажет, какова роль Тумановой в этом преступлении, причастна ли она к убийству...

– Всем доброго утра и хорошего дня! – сказала Анна, входя в кабинет так, будто делала это уже сотни раз.

Происшествие прошлого дня настолько сблизило ее с операми, что она уже считала себя частью команды, но, естественно, не претендуя на то, что так же считают ее частью команды опытные коллеги.

– Доброе! – пробормотал Гуров и продолжил копаться в бумагах, даже не взглянув на Анну.

Лев Иванович и Стас были погружены в свою рутинную работу, которой всегда немерено. Каждый из них выкраивал минуты, чтобы подбить хвосты, потому что в конце месяца Орлов с каждого спрашивал по полной программе, невзирая на личные поручения и объем работы. Молодых сотрудников подобное раздражало, а вот Гуров и Крячко привыкли к такому режиму работы, поэтому всегда находили время для писанины.

Аня, которая не спала полночи, изнемогая от желания узнать про Туманову, была несколько расстроена, увидев, что сыщики хладнокровно и монотонно работают. Ведь у нее

внутри разгорелся целый пожар, на таком энтузиазме можно было бы хоть в космос, а тут скупое «здрасьте».

Около часа она просидела рядом с операми, терпеливо ожидая поручений, а потом все же рискнула спросить:

– Лев Иванович, а что все-таки с Тумановой, с той старушкой из тридцать девятой квартиры? Могла она убить Фельцман?

– Кажется, это было твоим домашним заданием?.. Как сама думаешь?

– Все-таки думаю, что ее не стоит снимать со счетов. У нее был мотив, да и психологический портрет к совершению преступления располагает.

– Анна, нельзя строить версию на догадках. Психологический портрет – это то, что нам помогает в повседневной жизни, например, выбрать занятие по душе или понять, подходит индивид для общения или нет, но вот определять преступника и дальнейшую судьбу человека по психологическому портрету – глупо.

– Выходит, раз нет неоспоримых доказательств причастности или непричастности Тумановой к убийству, мы не можем на данный момент сделать относительно нее никаких выводов?

– Нет, почему же... Я ее исключил из числа подозреваемых по одной, но весьма весомой причине.

Тут у Анны замерло сердце, вот он, момент истины, которого она так ждала!

– У Тумановой рост ниже среднего. Покойная же – дама статная, высокая. В момент нанесения удара Фельцман не сидела, не лежала, а стояла и упала на пол с высоты собственного роста. Так что Туманова может спать спокойно, а вот Жанна в этом смысле подходящая фигура, у нее рост, как у тебя, Анна.

– Так просто?

– И так сложно одновременно. Ты ведь даже не подумала об этом, согласишься? А надо было... Стас, что там у нас, нет известий от эксперта относительно Фельцман?

– Есть. Как я и предполагал, все очень интересно!

– Интригуешь, давай, рассказывай!

– Помнишь, на журнальном столике в спальне стоял недопитый чай?

– Припоминаю, и что там?

– Там лошадиная доза лекарства для сердечников и очень много ртути. Видимо, этим коктейлем наш любитель драгоценностей решил напоить бабулю до смерти, но не получилось. Может, вкус напитка ей не понравился, или просто старушка осторожничала, что-то почувствовал.

– Вот как!.. Получается, орудием преступления должен был быть смертельный чай, а стала раритетная статуэтка с журнального столика.

– Выходит, так.

– Не хочу восхвалять свои таланты, но я вчера все правильно вам разложил... Фельцман открыла дверь тому, кого хорошо знала, тому, кто готовился к совершению преступления. Ну, этот «Фаберже» и заварил нам чая... Еще и мы коктейлем надышались. Здорово! Профессия с риском для жизни, улавливаешь, Анна? Нужно тебе такое перспективное будущее?

Анна лишь молча смотрела на Гурова испуганными глазами.

– А, вот еще любопытный момент! – продолжил Крячко. – Камешек, который Аня нашла под дверью... Это действительно, как и сказала Жанна, рубин. И на нем имеются посторонние отпечатки пальцев.

– Есть! – восторженно выкрикнул Гуров. – Хоть что-то!

– Так-то оно так, только отпечатков больше нигде нет, и не факт, что те, что на рубине, принадлежат убийце.

– Да, ты прав, Стас, поработать еще придется знатно. Кстати, что там по ломбардам?

– Глухо пока, ребята вчера все прочесали в округе и за городом. Нет ничего того, что хотя бы отдаленно напоминало наши сокровища.

– Сегодня должна прийти Жанна с фотографиями, нас ждет яркая беседа, надо бы хорошенько подготовиться. Я проверил ее, ничего за ней нет, к ответственности не привлекалась, но скрывать от следствия важные факты у нее получается.

– Что думаешь, задерживать ее?

– Ну, если сама сознается в содеянном – то конечно, но в этом я почему-то сомневаюсь. На днях должны быть похороны, завтра тело Фельцман отдают родственникам, было бы неплохо побывать на этой «встрече». Может быть, что-то узнаем, кого-то увидим. Сколько раз было так, что преступник околачивался поблизости, чтобы посмотреть на свою жертву...

– Да, обязательно нужно на похороны съездить, я разужнаю, где, когда и как они будут проходить.

– Хорошо, Стас. И еще тебя попрошу: нужно организовать слежку за Жанной. Верить на слово теперь ей нельзя, раз единожды хотела обвести вокруг пальца, то непременно появится желание повторить этот фокус снова.

Вскоре с проходной позвонили и сообщили, что явилась Жанна Валентиновна Вайцеховская. Гуров предусмотрительно попросил провести ее внутрь, за вертушки, и для ожидания посадить в переговорную. Это помещение было непохожим на остальные кабинеты. Из мебели там стоял большой стол, несколько стульев, рабочий телефон, окна плотно закрывали жалюзи, так, что решеток видно не было. Аккуратная чистая комната, в которой проводились встречи, иногда очные ставки. Лев Иванович, уже зная, как поведет себя Жанна, понимал, что именно там ей будет проще адаптироваться к новой для нее обстановке.

– Лев Иванович, а почему же мы не идем? – полюбопытствовала Анна.

– А что, у тебя есть острое желание вывести Вайцеховскую на чистую воду, Аннушка? Подождем часок.

– Часок?! Целый час?!

– Пусть посидит, подумает, настроится на беседу, на фотографии из семейного альбома еще раз посмотрит. Ты же сама мне недавно рассказывала про психологический портрет, вот тут-то он как раз и нужен. Помнишь, как Жанна нервничала во время беседы на квартире убитой? В этот раз я не собираюсь тратить время и хочу получить уже готового к показаниям клиента.

Анна достала свой блокнот и что-то в него начала усердно записывать.

– Вот это правильно! Конспектируй, а я, может быть, когда-нибудь мемуары по твоим конспектам напишу при твоём содействии.

Минут через сорок прибежал Крячко и сообщил, что Жанне стало плохо в переговорной, вызвали медсестру, и теперь ее отпаивают водой.

– Пора, – сказал Гуров и неспешно выдвинулся из кабинета, прихватив с собой папку с бумагами.

Глава 13

К моменту прихода Гурова Жанна уже пришла в себя и даже обрадовалась, что в незнакомом помещении она видит того, с кем ей уже доводилось общаться. Именно такой реакции и добивался хитрый Лев Иванович, который дальше вел себя так, будто он явился спасти Вайцеховскую из плена казенных стен. Он улыбался, показывал свое расположение к Жанне, и она расцветала на глазах.

– Вот все, что я нашла. Перерыла огромный архив семейных фотографий, постаралась найти каждое украшение, чтобы вы были в курсе, что пропало целое состояние. – Жанна вывернула на стол содержимое большой папки.

– М-да... Впечатляет! – искренне удивился Гуров.

Эта куча фотографий только на первый взгляд казалась хаотичной и бессистемной. На самом деле все снимки были распределены по временным группам. Гуров заметил, что сначала Жанна отобрала черно-белые фото, затем пошли цветные, встречались также снимки моментальных фотографий камеры «Полароид», которая была популярна в девяностые годы. И в самом конце оказалось совсем немного современных цветных снимков.

В этой стопке фотографий была целая жизнь, чье-то семейное счастье, радостные лица людей, которые отмечали вместе праздники, путешествовали, посещали театры, музеи, выставки, выезжали вместе с друзьями на пикники. А в самом конце стопки действующих лиц на фото фигурировало все меньше и меньше, в улыбках был уже не задор, а сдержанность.

– Это бабушка со своим отцом, моим прадедом, на ней как раз колье, которое он подарил ей на восемнадцатилетие. А вот тут бабуля уже старше, в театре на спектакле, «выгуливает» изумительный комплект с изумрудными серьгами. Здесь моя мама с бабушкой, – сказала Жанна и вдруг резко замолчала.

– Ваша мама жива и здорова? – поинтересовался Гуров.

– Нет, к моему глубокому сожалению, мамы больше нет в этом мире. Она умерла совсем рано, когда мне было пятнадцать. Это был очень сложный период в моей жизни. Я осталась совсем одна, потому что ни с отцом, ни с бабушкой на тот момент я не была близка так, как с мамой.

– И кто же вам помогал? Кто жил с вами?

– Сначала я год жила с отцом, а потом переехала в отдельную квартиру, которую оставил мне покойный дедушка. Спасибо ему за то, что дал этот угол, ведь особенно никто со мной больше не сюсюкался.

– А почему же родственники отвернулись от вас?

– Не отвернулись, просто у каждого началась своя отдельная от меня жизнь. Отец нашел себе какую-то молодую дамочку лет двадцати. Бабушка занималась исключительно собой: у нее никогда не было выбора, кого любить больше, – всегда на первом плане стояла она сама.

– А чем занимались вы? Как все это время зарабатывали на жизнь?

– Я освоила компьютер и находила подработку в интернете. В школе мне хорошо давались иностранные языки, собственно, и школа-то была с углубленным изучением английского и испанского, поэтому основной моей работой стали переводы.

– И много ли можно заработать сейчас на переводах?

– Много, если пристроиться куда-то на постоянной основе. Но мне всегда не везло, да и сейчас не особенно везет в этом деле. Так, единичные заказы... Но я не жалуясь.

Гуров успевал одновременно слушать Жанну и просматривать фотографии. Внезапно Лев Иванович решил сменить тему разговора и направить его в удобное для него русло:

– И все-таки, Жанна, о чем вы беседовали с Татьяной Николаевной в день ее смерти?

Эффект неожиданности сработал: Жанну взволновал этот вопрос:

– Вы имеете в виду по телефону?

– Нет, я имею в виду во время вашего к ней визита.

– Я... я... не была. Я была неделю назад, – заикаясь, начала говорить Жанна. – Почему вы решили, что я?..

– Потому что есть неопровержимые факты, подтверждающие, что вы были на месте преступления в тот день. Будете дальше отрицать очевидное – загоните себя своей ложью в тупик. Поверьте, лучше во всем сознаться прямо сейчас. Суд в этом случае будет к вам благосклонен.

– Нет, это не я, как вы могли подумать, что я могу убить собственную бабушку!

– Мне очень не хотелось бы так думать, но факты – вещь упрямая, и они сейчас играют не на вашей стороне.

– Я расскажу, я сейчас все расскажу, как было...

– Будьте любезны, мы все очень этого ждем.

– Я солгала, я действительно солгала. Я была у бабушки за день до того, как узнала о том, что она мертва. Но я ее не убивала!

– Давайте обо всем по порядку. Расскажите, что привело вас к родственнице, что вы делали в ее квартире?

– У меня есть жених – Вадим, я вам рассказывала о нем. Мы собираемся пожениться, – нервно и при этом быстро заговорила Жанна, стараясь убедить всех присутствующих, что на этот раз она говорит правду. – Свадьба – это очень затратное дело...

– Поэтому вы решили раскулачить бабушку, – ляпнул стоящий в стороне Крячко, уже не имевший никакого терпения наблюдать за душеизлияниями предполагаемой преступницы.

Гуров пресек выпад Стаса холодным взглядом, но на сей раз наскок Крячко не имел никакого влияния на Жанну, она была на пике своих эмоций, и уже никто не мог остановить поток ее показаний.

– Да нет же, я пришла просить ее о помощи, потому что мне больше не к кому идти. Отцу мои проблемы и заботы не нужны. А у кого мне просить денег? Белое платье, фата – я мечтала об этом, как и все девочки. Да, мне уже тридцать один, все мои подруги уже успели выйти замужем, а некоторые даже развелись, а мне всегда не везло на мужчин. А тут я встретила такого замечательного человека! Имею же я право на счастье, в конце концов?

– Имеете, конечно, только вот какой ценой... Кстати, назовите, пожалуйста, полное имя вашего возлюбленного.

– А зачем вам Вадим? Его со мной не было, он совершенно ни при чем, нашими семейными дразгмами никогда не интересовался. Он потрясающий человек, и я не хотела бы, чтобы вы его втягивали в эту историю, в которой пострадала не только бабушка, но и все наши родственники.

– Жанна, не переживайте, так нужно для порядка – не более того. Никто ему никаких претензий предъявлять не собирается, на допросы вызывать пока тоже не будет, просто назовите имя для протокола и все.

– Липатов Вадим Алеекеевич, – дрожащими губами прошептала Жанна так, будто она в этот момент предавала своего жениха.

– А сколько ему лет?

– Кому? – испуганно спросила молодая женщина.

– Жениху вашему.

– Двадцать девять.

– Отлично, продолжайте, пожалуйста, – спокойным тоном произнес Гуров, – вы решили попросить денег у бабушки, а она?..

– Да, я решила попросить денег у бабули на платье, перчатки, фату, но она мне их не дала.

– А что так?

– Не оказалось свободных средств. Те деньги, что лежат на счетах в банках, снять было нельзя, потому что сгорела бы приличная сумма накопленных процентов, а то, что бабушка оставляет на свои ежемесячные нужды, она спустила на какие-то заказы в телемагазинах. Она была большой любительницей покупать разную всячину, которую ежедневно навязывают в рекламе на ТВ. Что она только ни покупала втридорога: и посуду с суперпокрытием, которая ничем не отличалась от самой дешевой, что продается в торговых рядах; и чудо-штуковины разные, которые «сделают вашу жизнь проще и лучше». Все это «богатство» она передаривала другим людям, например, соседкам или своим подружкам.

– И что же было дальше, когда вы поняли, что она не даст вам той, необходимой для свадьбы, суммы денег?

– Я... я... – Щеки Жанны стали пунцового цвета, она с трудом могла говорить от стыда, от кома в горле, который перехватил дыхание. – Я попросила ее продать что-нибудь из своих украшений.

– А она не согласилась? – угадывал Гуров.

– Да, она сказала, что свадьба – это не повод, чтобы лишаться семейных реликвий. Бабушка очень разозлилась, сказала, что я своей просьбой предаю память прадеда, что он старался для нас, для детей и внуков, а я все оцениваю только в денежном эквиваленте.

– А это так на самом деле?

– Нет, нет, поверьте, я тоже ценю труд и мастерство своего прадеда и уже сейчас понимаю, что поступила глупо, предложив продать ценную для бабушки вещь, но в тот момент меня с головой накрыли эмоции и ощущение, что меня никто не любит, что какие-то побрякушки дороже счастья близкого человека.

– Эмоции? Вы себя не контролировали?

– Не до такой степени. Я была подавлена, расстроилась, конечно. Говорить больше мне с бабушкой было не о чем. Я видела, что она в полном здравии, в моей заботе не нуждается, точнее даже сказать – ни в чем и ни в ком не нуждается. Я молча развернулась и ушла домой.

– А Вадиму вы об этом разговоре с Татьяной Николаевной рассказали?

– Что вы?! Он даже не знал о том, что я собиралась просить у бабушки помощи. Он надеется только на себя, работает, старается для нас двоих. Вадим бескорыстный, добрый.

– Очень хотелось бы познакомиться с этим великодушным и потрясающим человеком, – намекнул Гуров на то, что хотел бы встретиться с Вадимом.

– Вы же говорили, что вам он не нужен и его имя – это только формальность для протокола! Что-то изменилось?

– Нет-нет, не беспокойтесь, если вдруг он нам понадобится, мы вас предупредим.

Гуров, конечно, надеялся на то, что Жанна будет готова рассказать, как совершила преступление, и начало показаний о том, что ей нужны были деньги на свадьбу, очень походили на правду, на мотив преступления, но результат оказался, мягко сказать, иным, не совсем удовлетворившим присутствующих. Выходило так, что ничего не складывалось из тех версий, что разработал Лев Иванович. Этот досадный провал был вполне себе допустим, ведь расследование только начали, но Гуров понимал, что работа еще предстоит колоссальная.

– Жанна Валентиновна, а все-таки почему вы решили соврать, скрыть от нас тот факт, что были в день убийства в квартире бабушки?

– Вы знаете, я никогда в своей жизни не сталкивалась с подобным, мне стало страшно, что вы будете меня подозревать, мне было стыдно, что я склоняла бабушку к тому, чтобы продать украшения. Мне и сейчас стыдно и противно, что бабуля ушла из этого мира с дурными впечатлениями и воспоминаниями обо мне. Только и осталось рассматривать вот эту стопку фотографий... Кстати, вот та самая брошь, от которой вы нашли рубин.

К столу сразу подскочили Крячко и Анна. Они начали рассматривать снимок. Камень был очень похож на тот, что нашла Анна. Массивная брошь представляла собой цветочный букет,

где лепестками и бутонами служили изумруды, сапфиры, рубины и бриллианты, – довольно контрастное ювелирное изделие, которое смогла бы носить не каждая дама...

Жанна дала подписку о невыезде и надлежащем поведении и покинула переговорную, оставив для глубокого разбора и приобщения к материалам дела стопку фотографий с пропавшими украшениями.

Глава 14

– М-да, час от часу не легче. Где теперь и кого искать? Украшения как в воду канули, все версии разом по швам трещат, – сокрушенно проговорил Крячко.

– Да ты не опер, а кладезь народных пословиц и поговорок, – усмехнулся Гуров. – Вот тебе еще одна в копилку: «Ищи, как собака блох ищет – по шерстинке». Хотя нет, Стас, тебе вот эта подойдет: «Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи», – засмеялся Лев Иванович.

– Лева, сколько можно издеваться? – выглядывая из кабинета в коридор, нервно пробормотал Стас. – Твои замечания на меня не действуют, у меня своя голова на плечах имеется, и она даже думать умеет, представляешь себе? Ты случайно про практикантку Машке не рассказывал? Что-то моя Наташа вчера как-то настойчиво интересовалась успехами на работе и сегодня уже раза три звонила. Не к добру это! А самое главное, что абсолютно беспочвенно!

– Даже если и рассказал, то что с того? Я тебе только добра желаю и в равной степени дорожу и тобой, и Наташей, вы для меня одно целое. Я же вижу твой взгляд гулящего мартовского кота, ты меня не проведешь. Запомни, шашней при мне и рядом со мной у тебя не будет. Это я тебе серьезно говорю и повторять не собираюсь. Усвой, будь добр, и не веди себя, как юнец, бегающий за каждой юбкой.

– Лева, ты меня обижаешь. Когда такое было, чтобы я Наташе изменял?

– Изменял или нет – не знаю, а нервы ей уже подпортил изрядно. Охлади свой пыл и спусти всю энергию на поиски «Фаберже», пользы будет больше. Чувствую, еще долго нам придется бегать. Как бы и вовсе «глухарем» это дело не оказалось.

– Жанну дожимать нужно.

– Все-таки думаешь, что она? – удивился Гуров настойчивым предположениям Стаса.

– Да конечно, она. А ты думаешь, что человек, который первый раз соврал, на второй раз скажет только правду и ничего, кроме правды? Ага... Мотив у нее был, я тебе сразу сказал, что эта нищенка за деньги бабку убила. Серая мышь со странностями. Я совершенно не понимаю, почему ты ее не задержал? Нет, может, в этом и есть какое-то рациональное зерно, учитывая, что наши ребята за ней следят. Есть шанс, что она захочет все-таки сбить украденное у Фельцман, и сбежать ей не дадут, но все же...

– Не торопи события, Стас. Еще ни одно наше дело не было простым, на то мы и сотрудники «по особо важным делам». Ты же сам знаешь, чем истина глубже, тем слаще вкус победы. Сейчас Жанна под полным нашим контролем, так что о ней я не беспокоюсь, а вот украшения могут уйти нелегально за рубеж.

– Да, как-то нужно их искать, только как?

– Как... Поднимать осведомителей, искать свои каналы. Теперь мы знаем, что именно пропало. Вторых таких украшений не существует, они уникальны, хотя бы в этом нам повезло. Как эти драгоценности дожили до наших дней? Это просто чудо. Прадед Фельцман был весьма рискован человеком. В советское время за его подпольное ювелирное дело расстрельную статью могли дать, ведь он, по сути, нелегально занимался камнями.

В кабинет вошла Аня, и Гуров с Крячко дружно замолчали. Они не скрывали от практикантки ничего, просто до сих пор им сложно было привыкнуть, что в тесный мужской коллектив резко ворвалась прекрасная дама.

– Что, Аня, как там Орлов поживает? Наябедничала ему про нас, как мы тут тебя на прочность испытываем? – поинтересовался Гуров.

– Нет, похвалила, попросила премию вам выписать, – в той же манере ответила Аня.

– Ага, и орден Сутулого за особые успехи в поисках преступников. Что думаешь по поводу Жанны?

– А что тут думать?.. Мне кажется, она не врет, только вот доказать это пока невозможно. Как я поняла, алиби у нее нет, как нет и других фигурантов по делу, более подходящих на роль убийцы. Нужно копать дальше...

– Золотые слова, Анна! Ты меня не перестаешь приятно удивлять, – без тени иронии произнес Гуров и с головой ушел в свою папку с документами.

Глава 15

Следующие два дня Гуров, Стас и Аня провели за изучением похищенного по фотографиям, отработкой разных версий и поиском украденных сокровищ на барахолках Москвы. Конечно, можно было отправить туда других сотрудников уголовного розыска, что тоже было сделано, но Гуров руководствовался принципом «хочешь сделать хорошо – сделай сам». Лев Иванович знал, что среди старья и хлама на блошиных рынках он ничего не найдет, но ему важно было лично пообщаться с людьми, которые там работают, чтобы выяснить, кому может быть интересен такой уникальный товар.

На исходе второго безрезультатного для расследования преступления дня Анна рискнула выступить с предложением, которое спонтанно возникло у нее в голове. Она вдруг вновь вспомнила тот случай с картиной из практики своего отца. Ведь он тогда потратил не один день, чтобы найти холст, но в итоге все-таки смог это сделать.

– Лев Иванович, как вы смотрите на то, что я привлеку к делу своего папу? Он не так давно занимался поисками картины, и у него наверняка остались связи с владельцами антикварных лавок по всей стране. Он тогда прошерстил буквально все лавки, но успешно выполнил задание клиентки.

– Нашел?

– Нашел, не сразу, но нашел, он у меня отличный детектив, и ребята с ним толковые работают.

– Стас, неужто практикантка намекает на то, что мы с тобой бестолковые?

– Ни в коем случае, Лев Иванович. Я правда хочу как лучше и как быстрее, ведь богатство Фельцман может оказаться на черном рынке далеко за пределами России, а тогда его уже практически невозможно будет найти.

– Верно, Аня, даю тебе зеленый свет. Если есть желание помочь, то почему бы и нет. Напоминаю, завтра, в двенадцать, похороны убитой, всем быть. Рекомендую не толпиться, сосредоточиться по одному и наблюдать за происходящим, а потом доложить мне о том, что запомнилось, бросилось в глаза. Принято?

– Принято, – синхронно ответили Стас и Анна.

– Ну и ладно, значит до завтра, мои боевые товарищи, – на хорошей ноте завершил рабочий день Лев Иванович, хотя настроение у него было наипаршивейшее.

Дома Гурова уже ждал вкусный ужин. Жена была в ударе и приготовила массу кулинарных изысков, ничем не хуже тех, что подают в лучших столичных ресторанах, а может быть, даже и лучше, если учитывать, что порции дома существенно больше.

– Вашему вниманию: бефстроганов; зеленый салат с яйцом по парижскому рецепту; канапе с моцареллой, помидорами черри и оливками; чесночные гренки, а на десерт – груша фламбе, – доложила Мария, словно заправский шеф-повар, стоя рядом с красиво накрытым столом и повесив на руку полотенце.

– Ничего себе! Звезду Мишлен в студию! – скомандовал Гуров. – У нас сегодня какой-то праздник?

– Нет, скорее напротив, у нас сегодня грустный вечер перед моим отбытием в провинциальный город на съемки очередного шедевра с участием вашей покорной слуги.

– Что уже? Так скоро?

– А ты думал, что будем полгода собираться? Нет, у нас и запрягают, и едут быстро, потому что интересы аудитории стремительно меняются. Зрителя нужно баловать чаще, иначе о тебе забудут, это касается не только актеров, но и режиссеров, сценаристов. Век нашего брата недолог. Нужно все успевать: и купаться в лучах славы, и всегда быть в тренде, и мужа баловать вкусным ужином. Кажется, я справляюсь с поставленными задачами?..

– Да, Маша, ты гениальна во всем!

– Лев Иванович, вы сегодня щедры на комплименты, что очень приятно. За стол?

– С превеликим удовольствием!

Гуров пробовал каждое блюдо и совершенно искренне восторгался, поскольку ужин действительно получился отменным. Он как истинный гурман смаковал каждый кусочек. Особенно ярким оказался вкус груши. «Нежнее нежного, белиссимо!» – то и дело звучало из уст довольного мужа. Мария была очень рада такой высокой оценке, это мотивировало ее и окрыляло.

– И что теперь, когда я увижу тебя?

– Месяц, Лева, месяц придется нам жить вдали друг от друга. Но, думаю, это время быстро пролетит. У меня новая роль, у тебя – твое убийство, которое занимает большую часть всех твоих мыслей и думок, так что не успеем даже соскучиться.

– Согласен. Ты извини, что погрузил тебя в свою работу, на сей раз серьезная головоломка намечается.

– А у тебя было что-то простое? Всегда ребусы, загадки да головоломки. Я привыкла. И потом, ты же тоже терпишь «прелести» работы своей жены, так что мы с тобой отличная пара.

– Маша, а помнишь, я тебе рассказывал про одного «артиста, подающего надежды»?

– Помню, конечно, без роду, без племени и без фамилии...

– Есть теперь фамилия. Липатов Вадим Алексеевич.

– Хм, Липатов?.. Липатов Вадим... Ты знаешь, кажется, кто-то есть в нашей группе с таким именем. Я тут недавно списки видела, но внимательно ознакомилась только с теми, кто играет ведущие роли и роли второго плана, а он, скорее всего, среди статистов – в эпизодах играет. Больше пока ничего тебе сказать не могу, но в любом случае узнаю о нем на площадке.

– Отлично, Маша! Это просто замечательно! Ты будешь моим тайным агентом и осведомителем на съемочной площадке.

– Отчасти, милый, только отчасти, ведь у вас – тайна следствия, а у нас тайна съемочного процесса.

– Годится! – согласился Гуров и нежно прижался щекой к своей любимой Маше.

Глава 16

День выдался пасмурный, и, кажется, сама жизнь подгадала погоду к грустным его событиям. Зная примерное место будущего захоронения и время начала прощальной церемонии, было несложно найти группу людей, пришедших проводить в последний путь Татьяну Николаевну Фельцман. Собралось несколько десятков человек, в большинстве своем – старше средних лет и пожилые. Публика интеллигентная, скупая на эмоции. Кто-то стоял и молча смотрел на гроб с телом, кто-то перешептывался, вспоминая добрым словом Фельцман, или обсуждал неестественную смерть покойной:

– Говорят, у Тани голова пробита, да так сильно, что там дыра с кулак, представляешь? – шептались старушки.

– Да, слышала. А ведь лежит такая свеженькая. Сейчас такой грим в ритуальных услугах делают, будто живая и просто спит... А ты слышала, что украли все драгоценности, все, что у нее были? Там на миллионы долларов богатства хранилось!

– Бедная Жанна, ничего не получит от своей скупой бабки.

– Нельзя плохо о покойниках...

– Я не плохо, а честно. Что она от нее хорошего видела? Только упреки. Отец непутевый – отказался от девчонки, и бабушка никакой поддержки не оказывала. Разве это родня?

– Пусть покоится с миром. Нам она ничего дурного не сделала.

В толпе Гуров сразу заметил Жанну, она выделялась из общей массы, потому что без остановки рыдала. Это первое, что бросилось в глаза, поскольку ранее она не позволяла себе столь откровенно сокрушаться по поводу кончины своей бабушки. Опять Вайцеховская удивила своим поведением и дала сыщiku новый повод для мозговой активности. Подходить к Жанне в этот момент было абсолютно бесполезно, да и не нужно. А вот с кем-то из присутствующих Лев Иванович имел четкое намерение побеседовать после завершения церемонии.

Среди прочих Гуров выделил женщину лет семидесяти, которая руководила процессом похорон. У нее все было под контролем. Она тихонько отдавала распоряжения, благодаря чему мероприятие проходило по плану и без суеты. Друзья семьи, коллеги по работе получили возможность сказать теплые слова в адрес Татьяны Николаевны, затем традиционно все бросили горсть земли на гроб, возложили алые гвоздики и розы рядом с крестом, фотографией и новенькой табличкой с именем покойной. Татьяна Николаевна Фельцман улыбалась всем со снимка и блистала в роскошном колье, будто отыгрывая последнюю роль в свой звездный час. Присутствующие побрели в разные стороны.

– Здравствуйте. Позвольте представиться? Гуров Лев Иванович. Уголовный розыск. Могу я задать вам несколько вопросов? Это не займет много времени.

– Здравствуйте. Да, конечно, – безоговорочно согласилась женщина, при этом дала знак, чтобы Жанну, стоящую рядом с ямой, увели в машину.

– Приношу свои глубочайшие соболезнования. Вы, вероятно родственница покойной?

– Да, я Никонова Ирина Абрамовна – двоюродная сестра Татьяны, по ее собственному поручению занималась организацией ее же похорон.

– Не понял. Как это по поручению?

– Уважаемый, вы еще слишком молоды, чтобы понять нас, старух. Когда жизнь приближается к своему закату, становится уже безразлично, каким образом нас будут провожать в мир иной. Это наш последний выход, понимаете? И лучше, если бы он был отыгран как по нотам, без эксцессов и трудностей. Организовать похороны в наше время – дело весьма затратное и хлопотное. Как правило, человек умирает неожиданно. Нужно срочно найти где-то средства, чтобы достойно провести церемонию и почтить память усопшего. Таня, как и я, очень трепетно относилась к этому моменту и оставила мне довольно крупную сумму на тот случай,

если она уйдет из жизни первой. Правда, умирать не по собственной воле она не собиралась. Просто по возрасту Таня была на десять лет старше меня. Вот я и отдала сестричке последний долг. Кажется, все прошло на высшем уровне, как считаете?

– Да, вы молодец, я сразу заметил, что именно вы здесь за главного, – сделал Гуров комплимент, который буквально выпросила гражданка Никонова. – Жанна так убивается горем, бедная девушка, сильно переживает утрату.

– Если бы, – неожиданно выдала Ирина Абрамовна.

– Вы так не считаете? – зацепился за эту фразу Лев Иванович.

– Только отчасти. Жанна потеряла свою первую и единственную любовь. От нее в неизвестном направлении ушел Вадим. А я ведь всегда думала, что же он, красавец, интеллектуал, мог найти в этой ничем не примечательной девушке, которой уже далеко не семнадцать и даже не двадцать пять. Но тут ведь дело такое: у каждого свои пристрастия, предпочтения и склонности.

– Что, просто взял и пропал?

– Позвонил и сказал: «Больше не жди, у меня съемки, мы разные люди». Двойное горе, можно и так сказать. Она ведь очень замуж хотела, мечтала об этой свадьбе, всем родственникам уши прожужжала.

– А что же Жанне так не везло с личной жизнью, ведь за тридцать уже?

– Понимаете, в чем дело, – шепотом начала Ирина Абрамовна, – Жанна родилась у Вайцеховских поздно: поздний, но очень долгожданный ребенок. Саша – Александра, мама ее, и Валентин – отец, к моменту появления дочери уже потеряли всякую надежду завести ребенка. На этой почве отношения в семья были изрядно подпорчены, были ссоры и обвинения в адрес друг друга. Каждый старался побольнее уколоть другого, мол: «Это ты виноват или ты виновата в том, что нет детей». И тут вдруг долгожданная беременность Саши. Валик был на седьмом небе от счастья. Он очень стремился к отцовству. Беременность проходила непросто. Знаю, что Саша постоянно лежала на сохранении в больнице, я ее практически не видела в этот период. Наконец-то родилась Жанна. Все были счастливы, конечно, но только первые три года.

– Как это так – три года?

– А вот так вот. В три года девочку словно подменили. Хороший здоровый ребенок перестал откликаться на имя, реагировать на внешние раздражители. Жанну ничего не интересовало – ни игрушки, ни куклы, ни еда, которую она раньше любила. Была без ума от манной каши, а потом и одну ложку затолкать в нее было сложно. Плакала, кричала, кругами ходила. А один раз пришла я к ним в гости, а она, как в фильме ужасов, все предметы в комнате ровными рядами выстроила на полу и сидит в центре, что-то бормочет на одном ей понятном языке. Врагу не пожелаешь, когда с твоим ребенком такое происходит. Сашка тогда не знала, куда бежать. Как только заметила странности в поведении, так и помчалась к психиатрам, а те сперва тоже только руками разводили, ведь это было аж двадцать восемь лет назад. Это сейчас мы уже знаем, кто такие эти аутисты.

– То есть вы хотите сказать, что Жанна страдает психическим расстройством?

– Да, у Жанны был аутизм. Саша всю себя девочке посвятила, чтобы ребенка вытащить из этой беды. Развивающие занятия дома организовала и водила ее дополнительно куда-то. И вы знаете, ведь она смогла как-то адаптировать девочку к жизни. Лет в шесть-семь Жанна стала произносить членораздельные звуки, потом слова. В десять лет она уже не отличалась от остальных детей по активности, по поведению – задорная озорная девчонка. Конечно, старались оберегать ее от трудностей в жизни, пылинки сдували, но в остальном, я считаю, что Саша добилась огромных успехов. Вы ведь даже не поняли, что с Жанной что-то не так, правда?

– Ну, как вам сказать... Странности в ее поведении я заметил. Например, она, когда нервничает, начинает сворачивать в трубочку то, что у нее в руках, салфетки или еще что-то.

– Ах да, об этом все ее близкие знают, для нее это норма. А еще сохранилась привычка ставить предметы в ряд. Вы откройте ее шкаф, там все вещи в таком порядке, что мне даже не снилось. Тут бы раз в год такой порядок навести, и то хватило бы на неделю, а у нее всегда все аккуратно и чисто.

– Еще в глаза не смотрит.

– И такое за ней водится... Зрительный контакт – это для нее очень личное, сокровенное. Она в глаза смотрит только тому, кому доверяет.

– А почему так рано не стало ее матери? – вспомнил показания Жанны Гуров.

– Ох, это семейная трагедия, даже описать не могу, какое случилось горе. Саша была добрым человеком, всю себя отдавала Жанночке. Валик совсем отстранился от семьи, как только узнал, что с дочкой происходит что-то неладное. Как исполнилось ребенку три года, как начали проявляться эти странности, так он и сбежал из семьи подальше. Такой подонок оказался. Саша сама поднимала дочку, а ведь средства нужны были немалые, чтобы по врачам ее таскать да по санаториям. Все оборвалось в один миг. Сашка просто не вернулась домой. А потом ее нашли неподалеку в лесополосе. На шее у нее были следы от удавки. Так это преступление и осталось нераскрытым. Кто и зачем убил ни в чем не повинную женщину – загадка. Куда было деваться Жанке? Бабка ее не понимала и особенно не привечала. Пошла жить к отцу. К кому же еще, ведь несовершеннолетняя еще. Только вот друг для друга они были и остались чужими людьми. Вот и вернулась через год Жанночка в квартиру своего деда, хорошо, что он позаботился о том, чтобы девчонке было где жить в дальнейшем. Так и осталась Жанна одна в пятнадцать лет, сама себе предоставленная. Хорошо, хоть болезнь ее не прогрессирует да практически никак себя не проявляет. А теперь вот бабка, Вадим... Что с ней будет – не представляю... Стресс может усугубить болезнь.

– Может, ей стоит сменить обстановку? Покидать город Жанне сейчас нельзя, она под подпиской о невыезде, а вот в местный санаторий – вполне можно.

– Под подпиской? Вы хотите сказать, что вы подозреваете Жанну в смерти Татьяны? Это невозможно. Хоть они и не были близки, но все же внучка любила свою бабулю, уж это я знаю. Она старалась частенько навещать ее, чай они любили вместе пить с конфетами. Жанна всегда старалась купить что-то сладенькое, даже на последние деньги.

– Чай говорит?.. Ну-ну. – Гуров перелистывал в уме материалы уголовного дела.

– Вы бы лучше соседок проверили, никогда мне не нравились эти старухи. Как ни придешь, так они с порога допросы устраивают, будто Татьяна – это их собственность. Приручила их подарками, а они наперегонки в гости напрашивались.

– Спасибо, Ирина Абрамовна, за обстоятельный разговор. Вы оказали огромную помощь следствию.

– Всегда рада быть полезной. Уж вы найдите этого преступника, такие люди не должны быть на свободе. Где это видано, чтобы среди бела дня проломить череп старухе! – вдруг заплакала Никонова и пошла по тропинке в сторону выхода с кладбища.

Гуров огляделся вокруг, никого рядом не было, только памятники и бесконечные фотографии покойников. Лев Иванович не спешил уходить. Как ни странно, но здесь, среди надгробий, он чувствовал себя спокойно и легко. Он вспоминал свою юность, умерших друзей, с которыми бегал по чердакам и заброшкам в поисках клада. Сейчас он тоже ищет сокровища, только уже другим способом, но что-то не складывается в этой истории. «Копай, Гуров, копай!» – вспомнил Лев Иванович слова загадочного своего друга Лешки, который погиб совсем молодым под колесами автомобиля. «Буду копать дальше, Леха», – пробормотал обещание Гуров и пошел прочь из этого унылого царства мертвых.

Глава 17

Крячко и Анна стояли у ворот кладбища. По их лицам Гуров понял, что новостей ожидают от него.

– Что, заждались?

– Лева, где тебя носит? Такая мерзость на улице и сырость, ты девушку заморозил совсем.

– Не сахарная, пусть привыкает к сыскным будням. Это не в кабинете чаи гонять.

– Узнал чего-нибудь?

– Узнал, а вы?

– А что мы? Мы наблюдали, ничего подозрительного не увидели. Обычные похороны. Даже не подумаешь со стороны, что бабка умерла не своей смертью.

– Поехали на базу, там обсудим. Я что-то тоже продрог.

Когда они приехали на место и добрались до кабинета, их ожидал большой сюрприз. Уже на пороге Гуров, Крячко и Анна почувствовали не привычный запах прокуренного помещения, а великолепный аромат домашних пирогов. В гости пришла Наташа – жена Стаса. Вероятнее всего, пирожки были лишь предлогом, чтобы познакомиться с практиканткой, которую в подробностях описала Маша со слов Гурова. Наташа стояла возле окна, скрестив руки, и оценивающе смотрела на вошедших. В этом взгляде была обида, подозрение, попытка погасить собственные эмоции. Внутри у нее разгорался пожар, который мог потушить только тот, кто знает подход к этой женщине. Гуров знал:

– Натусик, привет, твои пироги сводят с ума всех в коридоре, ты в курсе? – расплылся в улыбке Лев Иванович. – Ребята уже в очередь выстраиваются к кабинету. Нужно дверь закрыть, иначе так и Орлова накликать можно. Ты знаешь, а мы так проголодались. Продрогли совсем на этом кладбище. Ты самый желанный наш гость!

Наташа демонстративно осмотрела Аню и с надменным видом отвела взгляд:

– У вас прибавление в коллективе?

– Да-да, знакомься, это Анна, наша практикантка и будущий высококлассный специалист, если раскроет все свои таланты. Утощайся, Анна, – стал Гуров разряжать напряженную обстановку.

Аня, словно играя в какую-то хитрую игру, правила которой известны лишь женскому полу, в следующий момент повела себя весьма откровенно. Она прошла в центр кабинета той эффектной походкой, какой могут похвастать только модели на подиуме, кстати, ноги у Анны ничем не уступали этим самым моделям. Так же эффектно она села на стул, закинув одну ногу на другую и как бы случайно показав кант ажурного чулка:

– Я не ем мучное, Лев Иванович, слежу за фигурой, – раззадоривая своим поведением Наташу, проговорила Аня.

Реакции долго ждать не пришлось, жена Крячко покраснела, опустила глаза, а потом со злостью выдала:

– М-да, таланты она раскрывать умеет, как я погляжу...

Обстановка накалилась до предела, и тут вдруг в дверях показался Орлов.

– Вот, как я и говорил, – констатировал жующий пирожок Гуров.

– А что тут у вас происходит? Обед или уже ужин? И почему это мне никто такую вкусотищу на работу не приносит? Я на запах пришел. У вас тут, как в столовой, ароматы по всему этажу гуляют. Здравствуй, Наташа!

– Здравствуйте, Петр Николаевич! Вот, знакомлюсь с вашими молодыми кадрами. Отличная смена подрастает! – посмотрела Наташа на Стаса, явно намекая, что смена подросла для нее.

– Ты про Анну? Да, что есть, то есть! Не девушка, а одни сплошные достоинства. Это дочь моего отличного друга, боевого товарища, я за нее горой!

После этих слов Наташа поняла, что уже не сможет тягаться с такой соперницей, ведь у нее сильный тыл: сам начальник мужа ее поддерживает. Приходилось моментально менять тактику и подстраиваться.

– Да, Петр Иванович, вы правы, Анна – молодец, мне о ней Стас рассказывал. Я даже приревновала сначала, но сейчас, когда вижу, что и вы о ней так хорошо отзываетесь, все эти дурные мысли улетучились. Вот, решила всем испечь пирожков и поближе познакомиться, чтобы совсем сомнений никаких не осталось.

Крячко стоял в сторонке и немного был в шоке от происходящего. Естественно, он ни о чем не рассказывал Наташе, но как же ловко его жена сейчас лавировала на этом фронте интриг. Гуров поначалу тоже стусевался, но теперь разговор пошел в другом русле, и он просто молча смотрел и жевал. Тут вдруг Анна подошла к столу, взяла пирожок и с удовольствием откусила, чем еще больше удивила присутствующих – тех, кто минуту назад слышал из ее уст, что она не ест ничего мучного.

– Великолепно! Вы прекрасно готовите, Наталья, – восторженно произнесла Анна. – Как-нибудь обязательно возьму у вас рецепт, чтобы тоже радовать своих близких и любимых вашими пирожками. Считаю, что опыт обязательно нужно перенимать у самых лучших, брать самое лучшее, так сказать.

Коварство Анны перешло все границы, и Наталья вот-вот готова была взорваться, но Гуров пресек этот момент:

– Коллеги, смею напомнить, что рабочий день еще не окончен. Подкрепились, а теперь за дела. Спасибо тебе, Наташа, я тебя провожу.

Лев Иванович весьма вежливо дал понять, что не потерпит выяснения отношений в рабочем кабинете, и Наталья не стала противиться, собрала свои сумки и пошла с Гуровым к выходу.

– Наташа, потерпи, она у нас временно, к тому же я держу все под контролем.

– Лева, это немыслимо, откуда таких девок присылают, ты видел эту юбку, эти ноги, чулки? Вульгарщина какая-то.

– Натали, мы все когда-то были молоды и безрассудны. Анна специально тебя хотела взбесить. Ничего подобного при нас она не вытворяет, ведет себя очень скромно, но поскольку ты начала эту игру, она тоже решила поиграть.

– Ты думаешь?

– Уверен!

– Ну, тогда ладно.

Лев Иванович был весьма недоволен сложившейся ситуацией и чувствовал в этом долю своей вины, ведь именно он рассказал о практикантке жене, чтобы та предупредила Наташу, но, с другой стороны, он ни о чем не жалел, потому что знал, что на кону стоит судьба целой семьи. Единственным человеком, кому произошедшее показалось забавным, был Стас.

Аня была спокойна, казалось, ничто не может вывести ее из себя. Гуров понимал, что у девушки вышло самолюбие, и не стал заострять на инциденте внимание.

– Аня, хотел поинтересоваться, твой отец согласился нам помочь? – спросил Гуров, будто бы ничего и не было пару минут назад.

– Конечно, Лев Иванович! Сказал, что с удовольствием поможет, ведь у него остались все наработки, все контакты антикваров и старьевщиков, – воодушевилась Аня, как только речь зашла о работе. – Непременно нужно найти хоть что-то. Я верю, что папа отыщет следы драгоценностей, ведь не могли же они бесследно пропасть...

– Было бы отлично, тем более что пока зацепок нет никаких. За Жанной следят наши ребята, но она практически не выходит из дома. Что и неудивительно при ее психических расстройствах.

– Жанна больна? – дал о себе знать Крячко.

– Да, у нее в детстве был аутизм, отсюда и вытекают те странности, которые мы с вами наблюдали. Они плавно перешли во взрослую жизнь: салфетки и прочее. Об этом мне рассказала на кладбище родственница Жанны. Жених от нее ушел. Нужно проверить его, кстати. Как там?.. – Гуров открыл свой блокнот и нашел запись. – Липатов Вадим Алексеевич. Стас, проверь по базе, нет ли ничего на этого товарища? Уж как-то быстро он испарился после случившегося.

– Хорошо, поинтересуюсь. А если нет, может, послать гонцов на его поиски?

– Думаю, не стоит, кажется, я знаю, где его искать.

– Лева, ты меня удивляешь, опять я остаюсь на обочине твоей жизни и пропускаю все самое интересное.

– Стас, ты и так в центре событий, особенно сегодня, наслаждайся!

День для Гурова закончился очень поздно. Свет в кабинете потух только во втором часу ночи. Домой сыщик не спешил, потому что его там никто не ждал. Мария уехала на съемки, и квартира опустела. Ночевать на раскладушке на работе все-таки Лев Иванович не любил. Ничто ему не придавало сил так, как утренний душ, кофе, свежая рубашка и тонкий аромат французского парфюма. Как бы долго он ни задерживался на работе, ночевать он должен был дома, даже если приходилось спать всего два часа. Это было незыблемое правило Гурова. Кроме того, любимая кровать и жесткий матрас позволяли даже за час восстановить силы, что всегда казалось чудом. Если же приходилось спать где-то в командировке в гостинице, то даже полноценный восьмичасовой сон не восполнял растроченной энергии...

Следующие несколько дней Анна была погружена в рутинную работу, которая была малопродуктивной. По делу Фельцман не было никаких подвижек. Все как будто замерло на одном месте и не спешило набирать обороты. Гуров и Крячко опять погрузились в текущие дела и, поняв, что Анна может отлично выполнять простые поручения, пользовались добротой и уступчивостью практикантки по полной программе, наградив ее стопкой документов. Это занятие для девушки, жаждущей приключений и череды событий, казалось тоскливым. Она ежесекундно ждала весточки от отца, который помимо своей работы занимался поиском пропавших драгоценностей. Как только звонил телефон, Аня соскакивала со стула и бежала прочь из кабинета в надежде, что есть новости:

– Привет, папа, ну, что, нашел что-нибудь интересное?

– Аня, такое чувство, будто ты и обо мне забудешь после того, как я тебе что-то найду. Ты совсем помешалась на расследовании убийства. Вокруг жизнь бурлит, происходит много чего интересного, а у тебя убийцы на уме, преступления, поиски. Нет пока ничего. Проверяю по всем возможным каналам. Либо пока никто ничего не приносил, либо и не всплывут твои драгоценности.

– А что же делать? – безнадежно воскликнула Анна.

– Гуров придумает что-нибудь, ты же сама говоришь, что он суперпрофессионал, – с некоторой долей ревности сказал отец Анны.

– Да, придумает, – нисколько не сомневаясь в сказанном, проговорила Аня.

Гуров только делал вид, что занимается другими не менее важными делами, чем убийство Фельцман, но на самом деле и у него все трепетало внутри, как у Анны. В этом смысле он был все еще тот же мальчишка, который только пришел в уголовный розыск. Он не перегорел. Раскрыть преступление особой важности – для него было не просто работой, а самой высокой наградой, внутренней наградой самому себе. Эта черта характера отличала его от остальных сыщиков, которые стремились заработать только лишь палочки для отчетов. Увидев схожую

черту в Анне, Гуров понял, что практикантка очень похожа на него самого, а потому он в корне изменил к ней свое отношение.

Глава 18

Лев Иванович, как и Анна, тоже очень ждал звонка, только от жены. Мария должна была раздобыть информацию о Вадиме, но весточки от супруги не было. И вот наконец спустя три дня Маша позвонила и сообщила, что нашла Вадима на съемочной площадке:

– Лева, три дня искала, ничего не было о нем известно, – прошептала в телефон Мария.

– А почему шепотом, Маша?

– В течение съемочного дня мы находимся в фургончиках, здесь много посторонних людей снаружи и очень хорошая слышимость внутри. Так вот, Вадим Липатов, как я и предполагала, задействован в массовке и приехал на площадку только сегодня, потому что начинает сниматься с завтрашнего дня.

– А как ты его вычислила?

– Обижаешь, Лева, я ведь жена самого лучшего сыщика Москвы! Договорилась с режиссером, тот разрешил мне изучить данные об актерах фильма, там его и нашла по имени, увидела фото, запомнила, как он выглядит, а уже сегодня заметила его в столовой во время обеденного перерыва. Все просто!

– Гениально, Маша! Люблю твой характер, рискованная ты женщина.

– Что, только характер? А остальное любишь?

– Люблю, конечно, и очень скучаю! Скажи, а сколько будут длиться эти ваши съемки?

– Лева, месяц, я же тебе говорила. Если, конечно, не испортится погода или еще что-то непредвиденное не случится. В прошлом сезоне я снималась в сериале, так вот тогда в середине съемок закончились деньги, актерам нечем было выплачивать гонорар, помнишь?.. А все потому, что кто-то растратил все средства на дорожные декорации.

– Целый месяц! Целый месяц я ждать не могу... – сокрушенно произнес Гуров.

– Лев, но мы ведь обсуждали...

– Нет, Маша, я не это имел в виду. Мне нужно что-то решать с Липатовым, а ведь его нереально вытащить с этих ваших съемок.

– Тоже мне беда. Давай я тебе помогу как-то, попытаюсь разузнать информацию, если хочешь, конечно. Ты ведь знаешь, я могу...

– Маша, хочу! Только сначала нужно придумать, как сделать так, чтобы рыбка не сорвалась с крючка, ибо рыбка у нас может оказаться серьезной, понимаешь. Нужно быть предельно аккуратными. Предлагаю сделать паузу, подумать и мне, и тебе об этом, чтобы не запороть все дело. Как тебе идея?

– Согласна. А теперь скажи, что там у Наташки со Стасом?

– У-у-у, там все похлеще, чем в сериалах, – теперь уже Гуров говорил шепотом.

– А чего ты зашептал?

– Рядом действующие лица того самого остросюжетного кино. Но, как мне кажется, Стасу пошла на пользу эта встряска.

– Наташа звонила, рассказывала про чулки практикантки, полчаса слушала, как она возмущается. Ты знаешь, чем больше она ее описывала как вульгарную особу, тем приятнее мне стала казаться эта ваша Анна, даже познакомиться хочется.

– А что, может быть, даже придется как-нибудь, когда Стас от Наташки избавится, – засмеялся Гуров.

– Ну и шуточки у тебя! Я же серьезно...

– Маша, прошу тебя, будь предельно осторожна с Липатовым. Не выдавай никакой лишней информации, поняла? Будем решать, что дальше с ним делать.

– Поняла, поняла. До завтра, Лева. Привет Аниутке! – засмеялась в трубку Маша.

Ночь предстояла непростая. Гуров должен был разработать целый план действий для своей жены, чтобы не допустить осечки, ведь Вадим тоже мог быть причастен к преступлению. Ничего из того, что не имеет обратных доказательств, исключать было нельзя, убийца ходит на свободе и может с легкостью повторить содеянное.

Маша всегда приходила на выручку супругу, когда тому требовалась помощь, и всегда на отлично выполняла поручения мужа. Можно сказать, что Гуров и Мария работали в таких случаях, как слаженный дуэт. Однажды Марии уже доводилось участвовать в расследовании преступления, она тогда сыграла весьма важную роль в поимке преступника, чем очень гордилась.

На следующий день Маша позвонила Гурову и сообщила:

– Лева, представляешь, мне даже не пришлось придумывать, как начать общение с этим Липатовым. Он сам ко мне подошел.

– Интересно-интересно...

– Первая встреча и знакомство состоялись во время завтрака. Ничего необычного: просто спросил, что лучше выбрать из ассортимента столовки. Только я думаю, что подошел он ко мне отнюдь не случайно. Этот парнишка знает, к кому и как подойти. Ведь я играю главную роль в фильме, и он не может этого не знать.

– А что он собой представляет, как выглядит?

– Высокий, довольно симпатичный, вежливый, обходительный и, по всей вероятности, очень-очень хитрый. На вид лет двадцать восемь, крепкого телосложения, заметно, что посещает спортзал.

– По твоему описанию это не мужчина, а мечта женщины, все при нем.

– Ты знаешь, а ведь действительно все при нем. Он так лихо начал наше общение, что я и сама не заметила, как стала рассказывать ему о тонкостях моей работы, представляешь?

– Маша, осторожнее, я же просил, будь очень внимательна, не давай волю эмоциям, не забывайся. Он может быть опасным преступником... О чем он еще спрашивал?

– Да так, о всяком... Конечно же, много вопросов было о работе, о моих ролях в прошлом. Сделал вид, что удивился, когда узнал, что я играю главную героиню фильма. Пожаловался на то, что не смог пройти отбор даже на роль второго плана и теперь вынужден играть в массовке. Сказал, что будет задействован весь съемочный период, поэтому нам придется работать бок о бок целый месяц. Ну и коронное: он пригласил меня на ужин сегодня вечером. Какова дерзость?

– А ты?

– Я? А что я? Я согласилась, нужно же раздобыть для тебя информацию.

– Как порядочный муж я, конечно же, должен был тебя приревновать, но в данном случае скажу тебе спасибо. Все складывается хорошо, если не сказать отлично! И как ты намерена действовать дальше?

– Постараюсь с помощью своих женских чар свести юношу с ума, – засмеялась Маша.

– Маша, смотри мне, ведь и правда ревновать буду.

– Лева, ты же меня знаешь, я однолюб. Можешь не волноваться.

Гурову волноваться не стоило. Мария за столько лет совместной жизни ни разу не давала повода усомниться в верности мужу. Однако Лев Иванович знал, что жена запросто может вскружить голову другому мужчине, если сама того захочет. Это была своеобразная игра в «смогу или не смогу». Давая поручение жене, он даже не сомневался, что против Липатова будет применяться почти весь арсенал женского тактического оружия, поэтому и беспокоился о безопасности Маши.

Стас и Аня заметили некоторые изменения в поведении Гурова, он был задумчивым, тихим и временами даже несобранным. Полковник волновался. Осторожно, шаг за шагом, коллеги выводывали у Льва Ивановича, что его тревожит, и наконец узнали о том, где находится Липатов и кто сейчас с ним «ведет работу».

– Лев, мне кажется, это очень опасно, ты рискуешь жизнью супруги. Нужно вызывать его на допрос и выяснять все из первых уст, а не через жену.

– А, собственно, почему вам стал так интересен этот Вадим? – задала вопрос Анна.

– В самом деле, почему, Анна? – с издевкой произнес Гуров. – Вадим был в квартире убитой, видел весь антиквариат. Он приходил к покойной вместе с Жанной. Более того, я уверен в том, что Фельцман щеголяла по своему будуару с надетыми на себя драгоценностями, а они не могли не привлечь к себе внимания этого гостя. Маша описывает его как довольно хитрого человека, а она, как правило, не ошибается, давая подобные характеристики людям. Кстати, Стас, ты проверил по базе Липатова?

– Проверил, нет никого с таким именем.

– Расклад может быть довольно прозаичным: Жанна и Вадим находились в створе и сообща убили, ограбили и сбыли украденное. Эдакие Бонни и Клайд в современном прочтении с той только разницей, что грабили не кассы магазинов, а бабушку. Гнусно, конечно, и не хотелось бы в это верить, но наша работа уже давно приучила нас быть равнодушными к семейным драмам, – с сожалением резюмировал Гуров.

– Так чего же ждать, нужно их арестовывать! – возмутилась Анна.

– Да если бы так можно было бы, так цены бы не было уголовному розыску, одни отличники и передовики работали бы! Где доказательства? Где улики? Не так-то все просто, Аннушка.

Гуров опять заметался от стенки к стенке, размышляя, где взять те самые так нужные доказательства.

– Погодите, а рубин? – вспомнила вдруг Анна о своей находке. – Ведь на нем же были обнаружены отпечатки пальцев, может, они как раз принадлежат Вадиму?

– Здравая мысль, но рано, пока рано. Пусть Маша узнает, что нам требуется, а потом уже мы выйдем на арену и предъявим ему рубин. А с другой стороны, что он даст, этот камень? Даже если окажется, что отпечатки на рубине принадлежат Липатову, он скажет, что рассматривал его, когда был в гостях у бабки, – всего-то, а дальше что? Приплыли? Нет, здесь нужно думать на два шага вперед, – опять заходил по кабинету Гуров...

Этим вечером никто не спешил домой, все ждали новостей от Марии, которая почему-то все никак не звонила, хотя время ужина уже давным-давно прошло. Каждый новый час прибавлял нервозности присутствующим. По понятным причинам, особенно переживал Гуров. Двадцать один ноль-ноль, двадцать два ноль-ноль, двадцать три ноль-ноль – время тянулось очень медленно. В двенадцатом часу ночи наконец-то раздался долгожданный звонок.

– Маша! Как ты? Все в порядке? – взволнованно затараторил Лев Иванович.

– Лева, все замечательно, что ты так нервничаешь? Твоя жена справилась с первым заданием на отлично. Объект даже не подозревает, к кому он попал в лапы.

– Не томи, рассказывай, как прошел ужин?

– Значит так: Липатов не так прост, как может показаться на первый взгляд. Хотя, я и не сомневалась в этом. Помнишь, я же тебе сразу сказала, что он хитрец. Привел он меня в этом захудалом городке в самый дорогой по местным меркам ресторан, поставив цель произвести на даму яркое впечатление. С чего бы вдруг актеру, который зарабатывает в день в разы меньше меня, угощать малознакомую особу невиданными яствами? К слову, кормят в этой дыре недурственно, что меня действительно удивило. Лева, ты же меня знаешь: если я захочу, я сумею околдовать и приворожить, но, оказывается, мне с моими способностями далеко до этого ловеласа. Уж что он не придумывал только: и на колени вставал, и песни мне пел, и начитанностью своей хотел меня поразить. Кстати, в ресторане, кроме нас, никого не было – об этом он тоже позаботился.

Гуров с полуоткрытым ртом слушал супругу.

– А дальше что? – спросил он.

– Ничего, Лева, ничего... Думаешь, меня так легко окрутить? Смешно же. Я постаралась вывести его на откровения, но это сделать было совсем непросто. Человек он закрытый, сразу так о своей судьбе не расскажет. Все его ухаживания, конечно же, происходят только лишь с одной целью – чтобы продвинуться с моей помощью по карьерной лестнице, поэтому его тактика никак меня не удивляет, но фантазия у него богатая. Каков дамский угодник!

– Так что же все-таки удалось выяснить? – теряя терпение, спросил Гуров.

– Он родился в Московской области в простой семье, где не было особого достатка. Донашивал вещи за своим старшим братом, воровал вишни у соседей и еще в детстве дал себе слово, что добьется успеха в жизни и заработает кучу денег. Всегда мечтал стать хорошим актером и даже окончил театральный вуз. Только вот с карьерой пока как-то не складывается, не замечают в нем режиссеры великого таланта, которым он, естественно, обладает, с его слов. Вадик уже успел попросить свою именитую коллегу помочь ему с продвижением.

– Ты согласилась?

– А что мне оставалось делать? Согласилась ради общего блага. Не обещала грандиозного успеха сразу, но сказала, что что-то придумаю для него. Проводил, пытался поцеловать. На этом пока все.

– Каков нахал! – возмутился Гуров.

– А ты что думал, что он будет в бирюльки со мной играть? Парень играет во взрослые игры и, по всей видимости, готов на многое.

– Тебе было противно с ним контактировать?

– Нет, Лева, потому что я это делала ради тебя. Поверь мне, таких прохиндеев я раскусываю сразу и не подпускаю к себе на пушечный выстрел, но это обычно. Сейчас, как понимаешь, дело другое... Завтра поговорю с нашим режиссером, чтобы придумал для Липатова какую-нибудь роль на будущее. А еще нужно предупредить, чтобы он не проболтался, что я замужем и тем более, кто мой муж.

– А как же остальные актеры?

– В этом составе о тебе знает только режиссер, который знакомился с моим личным делом. Остальные уже завтра будут думать, что я кручу роман с Липатовым, и нарекут меня «вертихвосткой». Ну и пусть, зато скучать не придется.

Глава 19

Вывести на чистую воду преступника – это весьма сложная задача. Гуров имел в запасе несколько линий поведения для такого случая, но основная работала безотказно. Этой методикой с ним когда-то поделилась мать, которая знала толк в психологии и психиатрии. Методика не связана со следствием, но нашла свое достойное место в работе Льва Ивановича. Для того чтобы жулик сознался в содеянном, нужно максимально втереться к нему в доверие и быть в его глазах не судьей, а человеком понимающим, сочувствующим, пусть не другом, но точно психологом, помогающим выпутаться из сложной ситуации.

В своих самых сложных делах полковник применял именно этот метод и всегда побеждал и добивался правды. Сейчас он прорабатывал подход к Липатову, который мысленно уже сидел у него в кабинете на допросе. Но к сожалению, не было ни малейшего представления, с какой стороны подойти к этому человеку, поэтому оставалось надеяться на жену, которая с таким старанием добывала информацию для дела.

– Лева, сегодня вечером я опять встречаюсь с Вадимом, мне кажется, у меня будет уже гораздо больше возможностей узнать о чем-то более существенном. Скоординируй мои действия, чтобы я не ляпнула чего-то лишнего.

– Маша, твоя основная цель – выведать информацию о личной жизни Липатова. Как ты понимаешь, больше всего меня интересует его связь с Жанной – все, досконально. Запоминай, чтобы потом рассказать в деталях. Это важно.

– Хорошо, постараюсь.

– Только начинай штурмовать лишь тогда, когда он сам начнет об этом рассказывать, ни в коем случае не раньше, чтобы Липатов ничего не заподозрил, поняла?

– Да, конечно. Ты зря меня за дурочку держишь.

– Не сердись, я на всякий случай. Еще один момент: ты ведь брала с собой какие-то украшения, драгоценности?

– Ну да, на всякий случай я всегда беру с собой что-то красивое для вечернего выхода. Ехала ведь надолго, мало ли какие-то фуршеты или презентации могут быть. В этот раз бросила в чемодан серьги с бриллиантами и браслет. А почему ты интересуешься? Хотя стоп... Я поняла. Это будет что-то вроде приманки? Так?

– Ну, «приманка» – это слишком. Я не думаю, что, если Липатов причастен к краже украшений, то он будет бросаться на каждый перстень, как голодная собака на кость. А вот на реакцию его, если таковая будет, ты обратишь внимание. Проследи, как он себя поведет, заметит или нет, отведет взгляд или даже не посмотрит на побрякушки.

– Хорошо, Лева. Кажется, я начинаю волноваться. И дело не в том, что я боюсь Липатова. Я опасаясь того, что не смогу исполнить твои поручения, я ведь не Юлий Цезарь, не умею одновременно делать три дела.

– Маша, да ты у меня лучше любого Цезаря. Тоже мне фрукт нашла, точнее, салат.

Гуров продолжал заниматься своей ежедневной рутинной работой, но теперь душой и сердцем находился в другом городе, там, где была его любимая Маша. Каждую минуту он будто бы чего-то ожидал, например, что жене потребуется срочная помощь. Он в ту же секунду должен был быть готов сорваться с места и отправиться в дальнюю дорогу – так можно было объяснить его внутреннее напряжение. Гуров перестал реагировать на придирки Орлова и его постоянные пожелания поторопиться с расследованием. Сроки поджимали, а дело едва сдвигалось с мертвой точки, по крайней мере, так казалось генералу, хотя работа на самом деле велась.

Размышления полковника о делах насущных прервала Анна, которая вбежала в кабинет с криками:

– Есть, Лев Иванович! Нашел!

– Кто нашел? Что нашел, Аня? Ты чего так пугаешь, будто пожар где случился?..

– Отец нашел статуэтку по делу Фельцман.

– Так, так, так... Это интересно, продолжай...

Из коридора Анну услышал Крячко и тоже вошел послушать, что такого случилось, о чем Анна так торопится поделиться с Гуровым.

– Звонил отец. Сказал, что по его каналам драгоценности найти не удалось, не было такого добра на рынке антиквариата. А если бы украшения появились или сбывались кем-то за рубеж, то об этом непременно знали бы его товарищи. Но удача все же улыбнулась...

– Ну, давай же, говори, чего тянешь кота за хвост, – как всегда занервничал нетерпеливый Стас.

– Это вы специалист по котам, а не я! – дерзко ответила Анна, понимая, что она сейчас здесь главная звезда. – В Санкт-Петербурге нашлась статуэтка, та самая, которой убийца нанес смертельный удар. Фарфоровая «Юдифь» с мечом и тяжелым основанием цилиндрической формы, помните?

– И где же она сейчас? – любопытствовал Гуров.

– У антиквара, который любезно согласился отдать статуэтку следствию, поскольку не желает быть замешанным в грязные дела и не хочет запятнать свое доброе имя пусть и раритетной вещицей, но с плохой репутацией.

– Кажется, намечается командировка, – посмотрел Гуров на Стаса.

– Кажется, она неизбежна, – констатировал Крячко. – Нужно организовать три билета на Сапсан и два гостиничных номера, я правильно понимаю?

– Да, Стас, ты правильно понял, будь добр, оформи в бухгалтерии.

– А что, так можно, то есть мы едем в Питер «за счет фирмы»?

– А, по-твоему, опера должны тратить свои кровно заработанные? Так нам жить не на что будет. Сейчас поездка в Питер и номер в гостинице – в копейку влетают, это не Советский Союз...

– Ура! Едем в Питер! Я же с вами, правда? – обрадованно поинтересовалась Аня.

– А как же иначе, ведь, собственно, ты и есть инициатор этой поездки. Мы с Крячко в командировку особо-то и не рвались. Не любим мы это дело. Все-таки дома оно лучше, кругом свои люди, а там сейчас настраивай мосты.

– Мосты там и без нас любят разводить и сводить, может, доведется увидеть. А вам не придется ничего делать, отец уже все устроил, нам только нужно приехать и опросить человека, который видел того, кто принес эту статуэтку.

– Ты посмотри на нее, она уже все решила за нас, чем нам придется заниматься.

– Нет, нет, я ни в коем случае не хотела вмешиваться в ваши планы, я просто предполагаю, что на месте нужно будет сделать, – сняла с себя ответственность Анна.

– Ну и ладно, будем двигать дело дальше. Завтра едем! – резюмировал Гуров...

Дома Лев Иванович тоже не мог отвлечься от мыслей, касающихся работы. Он четко знал: если хочешь сделать хорошо – либо сделай сам, либо контролируй процесс. Сейчас был тот момент, когда руку нужно было держать на пульсе и расслабиться не получалось даже дома. Стены квартиры не грели, а любимый кофе не казался ему таким вкусным, как прежде, хотя к этому напитку у Гурова было особенно теплое отношение. Бодрящий крепкий кофе он варил себе сам в турке. Новомодных кофемашин не признавал, а кофе в капсулах ему и подавно казался чем-то ненатуральным, хотя бы потому, что не приходилось видеть содержимого этой космической упаковки. Да и во всем оперуполномоченный Гуров был скорее консерватор. Лев Иванович напоминал одного из героев советских фильмов о доблестных работниках органов следствия – порядочный, интеллигентный, умный и без пафоса. Конечно, ему приходилось идти в ногу со временем, разбираться во всевозможных гаджетах, но делал он это только с той

целью, чтобы не казаться стариком в глазах «новобранцев». И если представлялась возможность спихнуть работу с современной техникой и программами, то он благополучно ее передавал тем, кому она интересна. Гуров же любил больше решать логические задачки и проводить время наедине с собой, чтобы докопаться до истины. Сейчас он думал над всеми возможными вариантами развития событий, складывал пазлы в единую картинку повышенной сложности, анализировал все детали. Именно в такие моменты к нему приходили самые светлые мысли, наводящие на правильные выводы.

Глава 20

Меж тем Маша где-то за семьсот километров от Москвы снова собиралась на свидание с Липатовым. Отработанными движениями скользили кисточки для макияжа по милovidному лицу. Сегодня Мария должна была предстать во всей красе, а потому на веках был яркий смоки айс, который превращает даже самую бледную девушку в роковую королеву вечера. Волосы спадали на плечи крупными локонами, а потрясающий силуэт в черном платье от известного дизайнера подчеркивал аккуратные босоножки на шпильке. «Актриса Голливуда с визитом в Урюпинск», – разговаривала сама с собой Мария. Последним штрихом стали украшения, которые эффектно дополнили образ и обрамили благородную красоту дамы.

– Маша, ты готова? – послышались стук в дверь гостиничного номера и голос Вадима.

– Да, одну минуту...

Мария спешно глотнула две таблетки валерьянки, которые всегда были дежурными в стрессовых ситуациях. Они будто бы добавляли уверенности и успокаивали, хотя ровным счетом никакого толку от них не было. Затем она вновь подошла к зеркалу, нанесла помаду нюдового оттенка, брызнула терпкими духами в зону декольте и на запястье, глубоко вздохнула и вышла в коридор.

– Маша, ты потрясающе выглядишь! – не скрывая восхищения, воскликнул Вадим.

– Благодарю. А мы уже перешли на «ты»?

– Прошу прощения, Мария, я осмелился подумать, что мы значительно сблизились, разве не так?

– Ну что же, пусть будет так.

Липатов при малейшей возможности старался прикоснуться к Марии, нежно, так, что едва можно было почувствовать этот тактильный контакт, но он был. Заходя за угол и перед входом в лифт, он дотронулся до талии Маши, выходя из лифта, подал ей руку. Только кончики пальцев оказались на ладони Вадима, но это было весьма сексуально и совершенно неслучайно. Обольститель не ошибался ни в одном своем движении, а от внимания Маши не ускользал ни один подобный момент, она все подмечала и конспектировала в своей головке с распущенными волосами.

– До чего же сегодня прекрасный вечер, я делю его с такой невероятной женщиной! Я об этом и мечтать не мог.

– Ты преувеличиваешь! Хотя нет, пожалуй, не буду с тобой спорить, – кокетливо произнесла Маша. – Ты говорил, что сегодня меня будет ждать какой-то сюрприз, могу я уже узнать о нем?

– Да, сегодня мы с тобой будем ужинать на яхте. Как тебе такая идея?

– О, как интересно! Да, я видела прогулочные суденышки у причала, но не думала, что среди них есть яхты.

– Нет, здесь яхт нет, но для такой женщины, как ты, я нашел. Не спрашивай, как, это было сложно, – стал подталкивать спутницу к дальнейшим вопросам Вадим.

Машу мало интересовал вопрос организации этого свидания, но она понимала следующее: для того чтобы вытащить из Липатова как можно больше информации, она должна подчиняться правилам его игры, чтобы не расстраивать и не нарушать ритм беседы, поэтому пришлось подыграть:

– Ты такой затейник, и все же откуда в этом захудалом городке яхта? Я ведь спать не буду спокойно, пока не узнаю.

– По законам жанра секреты фокусов должны оставаться нераскрытыми, но, так и быть, расскажу... У меня есть очень обеспеченный друг, и он позволил мне организовать наш вечер

на его яхте. Пришлось постараться, чтобы она оказалась в нужное время в нужном месте, но я смог.

– Ты сумасшедший, – флиртуя, произнесла Маша.

Причал находился в десяти минутах ходьбы от гостиницы. Тихий теплый вечер казался весьма романтичным, но Маша была напряжена внутри и не давала ни единой клеточке своего тела расслабиться, при этом внешне она вела себя абсолютно раскованно.

Яхта на самом деле оказалась очень красивой – как снаружи, так и внутри. Обстановка в ней была довольно интимной, и перед Марией стояла непростая задача – сделать так, чтобы откровенная беседа, на которую она обязательно должна была вывести Вадима, не перешла в нечто большее. Она примерно знала, как это устроить, потому что просчитала то, что будет происходить, заранее. Однако вечер в любой момент мог пойти не по плану, что очень тревожило жену полковника. На крайний случай, которого Маша так опасалась, в сумочке она хранила электрошокер. Гуров научил супругу, как обращаться с этим устройством, но полной уверенности в том, что шокером удастся воспользоваться, у Маши не было. Все же нужно было действовать...

– Маша, ты замужем? – начал вдруг разговор Вадим с неожиданного вопроса.

– Когда-то была, – соврала Мария.

– А почему расстались?

– Не сошлись характерами, – первое, что пришло на ум, выпалила актриса. – Он был слишком строг, не вытерпел моих постоянных командировок, съемок до поздней ночи, и мы разошлись, как в море корабли, – развела руками Маша, показывая на гладь реки.

– Ты его любила? – продолжал допытываться Вадим.

– Наверное, но это не точно, – улыбнулась женщина. – А ты женат?

– Нет, конечно, и не был никогда. Я свободный художник, пишу картину, а когда заканчиваю изучать свою натурщицу, прощаюсь с ней навсегда и ищу новую.

– Беззаботно живешь, – вспомнила Маша фразу из одного известного фильма.

– Да, это так, а зачем усложнять?.. Жизнь дана одна, и нужно выпить до дна этот сосуд со сладким нектаром.

– Хочешь сказать, что тебе ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с настоящей любовью?

– Нет, почему же, приходилось, но она имеет свойство улетучиваться. Ты ведь тоже это испытала, судя по всему.

– Да-да, – согласилась Маша, придерживаясь своей «легенды». – Расскажи о той, которую любил.

– Это были мои последние отношения. Бурный роман, который от начала и до конца представлял собой один сплошной нервный ком.

Фраза «последние отношения» заставила Машу сосредоточиться еще больше. Это то, за чем посылал ее на задание муж, поэтому слушать нужно было внимательно, чтобы в дальнейшем добуквенно воспроизвести Гурову беседу с Вадимом. Липатов сегодня был расположен к душевному разговору, и в этом была заслуга Марии.

– Мы познакомились случайно на улице. Я опаздывал на съемку рекламного ролика, где тоже играл одну из самых невзрачных ролей. В метро столкнулся с девушкой. Она из-за меня уронила папку с документами и стакан с кофе. Пролила напиток, испачкала одежду. Неловко вышло, но я сразу понял, что эта девушка для одной из моих главных «картин». Красивая стройная блондинка с ямочками на щеках. Кстати, улыбку я оценил сразу, потому что даже в такой ситуации, когда все пошло наперекосяк, она нашла над чем посмеяться. Удивительно позитивная.

– Это была любовь с первого взгляда?

– Можно и так сказать. Я полюбил Дашку за ее улыбку, а уже потом за душу.

– Дашку?

– Да. Ее звали Дарья.

Маша судорожно начала вспоминать, что Гуров рассказывал о преступлении, и она четко помнила – речь была о Жанне, никакая Даша в деле не фигурировала. «Как же так, может, он намеренно изменил имя? Может, просто выдумал эту историю? Хотя рассказывает все в деталях, так сочинить на ходу нельзя», – рассуждала Маша, одновременно слушая Вадима.

– А кем работала твоя Дарья?

– Даша была моделью, она как раз в день знакомства шла на один из кастингов, несла документы, портфолио, вся такая модная, в белом. И тут я налетел и кофе перевернул. Даже не представляю, как она тогда выкрутилась. Я так и не спросил ее об этом. Все мои девушки были красивыми, модельной внешности. Я обожаю красоту в женщинах, это моя слабость. Я же говорю, что я – художник. Вот и тебя я выделил из всей съемочной группы, – опять включил режим обольщения Вадим.

– А как давно вы расстались? Хочу понять, насколько долго ты залечиваешь любовные раны.

– Долго. Но это не означает, что я не могу встречаться с кем-то во время своих любовных страданий. Женщины – мое главное лекарство. Клин клином вышибают, как говорится. С Дашей мы расстались полгода назад.

– То есть ты хочешь сказать, что после Даши у тебя вскоре тоже были женщины?

– Были, но это промежуточные варианты до следующих больших чувств, которые не стоит принимать во внимание. Я ищу что-то большое, яркое, незабвенное.

Вадим сделал шаг в сторону Марии и попытался обнять ее за талию двумя руками, но женщина предугадала ход дальнейших событий и, перехватив его руки, направилась к столику:

– Я проголодалась, а ты?

– Да-да, я тоже не отказался бы от хорошего ужина.

На самом деле кусок не лез в горло после услышанного. Маша не понимала, почему в перечне любовных интриг Вадима нет Жанны, ведь Лев говорил, что Липатов собирался жениться на девушке, значит, намерения были весьма серьезными. Ничего не складывалось, но спросить напрямую было никак нельзя, поэтому оставалось довольствоваться только той информацией, что выдавал сам Вадим.

Ужин Марии состоял только из листьев салата: больше она ничего не смогла съесть, потому что разнервничалась, пришлось сослаться на диету ради роли. Логическим завершением вечера, по мнению Липатова, должен был быть страстный поцелуй с продолжением в номере, но на этот случай у Маши уже была припасена заготовка. Как только Вадим попытался пересечь границы дозволенного, Мария тут же рассказала, будто неожиданно вспомнила, что накануне нанесла визит режиссеру картины, который обещал позаботиться о том, чтобы у такого дарования, как Липатов Вадим Алексеевич, появились новые, более значимые, чем прежде, роли. Вадик, услышав о продвижении по карьерной лестнице, тут же забыл о всякого рода намерениях сексуального характера и принялся рассуждать о тяготах профессии и представлять, каким он будет актером через десять лет. Оставшуюся часть вечера так и провели за разговорами о работе, что вполне устраивало Марию. Вадим действительно очень стремился осуществить мечту всей своей жизни – стать великим актером, при этом, какой ценой он это сделает, его интересовало в последнюю очередь. Маша выполнила главное желание Вадика, и теперь он был на седьмом небе от счастья. Его старания окупались с лихвой.

После довольно напряженного вечера Мария с полчаса пребывала в гостиничном номере в прострации. Она не понимала, раздобыла она что-то полезное для мужа или нет, а потому тщательно обрабатывала в голове полученную от Липатова информацию, прежде чем позвонить Гурову и все рассказать. Еще она осознала, как неприятно чувствовать себя кем-то использованной. Она готовилась к подобному развитию событий заранее, но все равно ощу-

щения были какие-то гадкие, вроде бы как от нее можно получить пользу только лишь в продвижении карьеры.

Маша позвонила Гурову. Она была невеселая, задумчивая, и это сразу слышалось в ее голосе:

– Лева, кажется, все сделала, как надо, только вот будет ли толк для тебя – не могу сказать.

– Маша, а что такая грустная, переволновалась, устала, да?

– Есть немного. Такое ощущение, что твой Липатов – энергетический вампир, все соки из меня вытянул разговорами о работе. Я ничего не перепутала? Твою подозреваемую, ну, внучку убитой, Жанной зовут, ведь так?

– Да, Жанной, что-то говорил о ней?

– Ничего, совершенно. Ни слова, представляешь, будто и не было в его жизни такого человека. Рассказывал про свою последнюю любовь – Дашу, с которой полгода назад расстался, и все. Еще хвастался, что баб у него много «промежуточных», видимо, думал удивить меня своей любвеобильностью. Мачо недоделанный. Жениться этот тип точно ни на ком не собирался и не собирается, он мыслит в противоположном от института семьи и брака направлении, понимаешь. Современный инфантильный персонаж с большими амбициями.

– А как же Жанна? Что же он решил скрыть этот роман? Маша, неужели ты перепутала человека, и это не тот Липатов?

– Лева, ну что ты, как я могла перепутать?.. Тот! Точно тебе говорю! Просто что-то он не договаривает. Лучше бы тебе его самому допросить, ведь ты со знанием дела можешь поговорить, а я что?.. Дилетант, да и только.

– Маша, не расстраивайся, ты все сделала на высшем уровне, я теперь буду знать, чего ждать от Липатова, за какие ниточки тянуть. А завтра я уезжаю в Санкт-Петербург, буду еще дальше от тебя. Предстоит командировка с целью изъятия вещдока – орудия убийства. Хорошо, что нашлось.

– А драгоценности?

– Нет, они пропали бесследно. Кстати, а как Липатов отреагировал на твои украшения?

– Никак, он даже ни разу не взглянул на них, зато отметил мою красоту, признался, что не может устоять перед чарами красавиц. У него много баб было, и все модели, между прочим. Как Жанна попала в этот список, если она, по твоим словам, серая мышь, – тоже загадка.

– Да, многое предстоит еще выяснить. А куда вы ходили сегодня? В очередной сельский ресторан «У Ирины»?

– Ошибаешься, мы сегодня ужинали на яхте, «Доминика» называется.

– Такое ощущение, что ты этим вечером побывала где-то в Испании или на Мальдивах. Откуда в захудалом городке с небольшим причалом яхта?

– Ты недооцениваешь Липатова. Этот, кажется, может на Луну слетать ради своей выгоды. Взял напрокат у какого-то богатого друга. Боюсь подумать, что будет дальше, если эта игра продолжится, хотя нет... Все, что могла, я уже узнала, а он свою порцию полезностей тоже получил, поэтому мы в расчете.

– Вот и отлично, что он тебя оставит в покое, теперь я не буду волноваться и займусь наконец делами, потому что этот твой Липатов выбивает меня из колеи.

– Да, мне тоже теперь будет проще. Целую тебя, веди себя хорошо в Питере.

– А когда я вел себя плохо?

– Когда с Крячко совместная командировка, вас так и тянет на приключения.

– Теперь у нас подопечная есть, она нас будет держать в тонусе, не переживай.

– Я-то переживать не буду, а вот Наташа теперь с ума будет сходить, представляя, как Аня со Стасом гуляет по Невскому проспекту.

Закончив разговор с женой, Гуров тут же набрал номер телефона Крячко и поручил ему узнать, кто является владельцем речной яхты «Доминика». Плавсредство довольно необычное,

а по названию вычислить хозяина дорогого судна – вполне можно. Собственно, Стас не заставил себя долго ждать. Он покопался в доступных для работы оперов базах данных и обнаружил, что яхта зарегистрирована на имя Загорского Вячеслава Сергеевича – крупного предпринимателя, построившего в девяностых годах свой бизнес на криминале. Знакомство с такими людьми не давало повода думать, что Липатов преступник, но снова наталкивало на мысль, что Вадим – далекий от совершенства и идеала человек. Просто так Гурову подсказывало внутреннее чутье. Было очевидно, что допрос Липатова становится неизбежной необходимостью.

Глава 21

– Лев Иванович, опоздает Крячко, до отправления поезда осталось ровно пять минут. Ему ведь нужно успеть добежать до вагона, предъявить билет и войти, в конце концов. Как можно быть таким беспечным? – пожаловалась Анна на Стаса.

Гуров сидел на своем месте и был совершенно спокоен.

– Это его проблемы, он сам заказывал билеты и знает, в какое время отправляется поезд. Человека могут научить только собственные ошибки. Будет тратить свои деньги, если опоздает.

Вдруг Аня увидела в окошке Крячко и воскликнула:

– Вон он, бежит, смотрите!

Стас буквально влетел в вагон в последнюю минуту, но успел. Крячко плюхнулся на сиденье и никак не мог отдышаться. Казалось, все у него было в разные стороны: волосы, воротник рубашки, портфель – сразу видно, что одевался наспех.

– Ну, голову не забыл, на месте? – сердито спросил Гуров.

– Лева, не начинай, и так дурно. Представляете, я точно помню, что ставил будильник в телефоне на шесть часов утра – с запасом, чтобы собраться не торопясь. А тут вдруг просыпаюсь и не могу понять, что не так... Я проспал и, видимо, сам не понял, как выключил свой телефон.

– А что же Наташа тебя не разбудила?

– Не знаю, мы со вчерашнего вечера не разговариваем.

– Что так? – интересовался Гуров.

– Она была недовольна тем, что я еду в Питер.

– Дай угадаю, она была недовольна тем, что ты едешь в командировку не один, так? – намекнул Гуров на Анну.

– Возможно.

– Ха, наивная ты душа, телефон твой выключился не сам собой и даже не с твоей помощью, понимаешь, о чем я?

Крячко посмотрел на Гурова округлившимися глазами, похлопал ресницами, покраснел и выдал:

– Ну, Наталья! Во дает! Я так этого не оставлю.

– Что? Скандал дома устроишь? Он и так у вас каждый день случается. Оставь ее пока в покое, пусть утихомирится, соскучится, подумает над своим поступком.

– Нет, Лева, это не тот случай. Теперь покоя ей не будет. Чувствую, сейчас точно нужно отключать телефон, потому что каждый мой шаг будет под контролем.

Все это время Аня делала вид, будто к этой истории она не имеет никакого отношения. Практикантка занялась чтением легкого детективчика, который успела купить на вокзале, и только изредка рассматривала в окошке пейзажи, предвкушая предстоящее свидание с Северной столицей.

Три с половиной часа пролетели незаметно. Каждый занимался своим делом: Аня читала, Крячко проспал все это время, а Гуров изучал содержимое очередной папки с бумагами. Питер встретил чистым небом и теплыми лучами солнышка, будто намекая, что рад видеть у себя гостей, а плохая погода – это так, просто слухи о неприветливости города и ничего более.

Встреча с антикваром была назначена на вторую половину дня, поскольку сначала нужно было заселиться в гостиницу. Аня была в восторге от происходящего, она и подумать не могла, что во время практики ей придется побывать в Санкт-Петербурге. Казалось бы, что тут невероятного? Меньше четырех часов, и ты уже в Питере, но нет. Подобная поездка точно должна была запомниться на всю жизнь, поскольку ее можно было назвать первой рабочей, пусть даже в роли практикантки, но это было знаковое событие.

– Лев Иванович, какие будут указания? Как будем действовать?

– Анна, ты же мне сама все уже по полочкам раскладывала, чего спрашиваешь? Идем к антиквару, забираем статуэтку, а дальше действуем по ситуации.

– Чтобы выполнить такой объем работы, и в гостиницу заселяться не стоило, да и всем троим ехать тоже.

– Э, нет. Нам нужно выяснить, кто ее принес, а это за один день сделать невозможно. Может понадобится помощь и твоя, и Стаса, так что гуляем, дышим питерским воздухом, любимся красотами...

В шестом часу вечера Гуров, Крячко и Анна прибыли по указанному адресу. Все ожидали увидеть богато оформленные витрины антикварного салона, но в действительности пришлось постараться, чтобы отыскать дверь с вывеской «Антиквариат» в одном из колодцев старых домов, похожих друг на друга. Ничего примечательного – просто дверь и вывеска.

Внутри, среди прочего хлама, наверняка представлявшего какую-то ценность, Гурову сразу бросились в глаза напольные старинные часы, фарфоровый чайный сервиз, расписные шкапулки. Из глубины зала, заполненного всякого рода вещицами, вышел пожилой мужчина в очках и с седой бородкой. Его внешность соответствовала атмосфере салона, он ее дополнял. Худой старик окинул строгим взглядом посетителей и, не дожидаясь вопросов, сказал:

– Кажется, я знаю, зачем вы пришли.

– Хотели бы выбрать подарок для своего друга, – притворился вдруг простым клиентом Гуров.

– Меня не проведешь, я вашего брата за версту чую, – ответил старик, не выдавая никаких эмоций на своем лице, и скрылся за дверью.

Гуров переглянулся с Крячко: им явно не понравились этот возрастной антиквар и его грубый тон. Обыкновенно так себя вели те, кто имел за душой какой-то грешок, но Питер – не Москва, здесь свои правила, свои герои в борьбе с преступностью, и эти обстоятельства напоминали операм, что вести себя нужно так, словно они в гостях, невзирая на чин и звание.

Через минуту владелец салона вынес ту самую статуэтку, которую присутствующие уже знали по описанию Жанны и по ее фотографиям. Это была «Юдифь». Массивная, увесистая и вместе с тем изящная. Гуров достал из своего кармана пакет и аккуратно поместил в него фарфоровое изваяние.

– Вы надеетесь, что там остались отпечатки пальцев? – спросил антиквар. – Напрасно. Мне принесли вещь без единой царапины и пылинки, я дополнительно ее протирал, и если там и есть следы рук, то, пожалуй, только моих.

– Так положено по инструкции, – нехотя ответил Гуров, намекая своим тоном, что это уже их дело – разбираться, что есть на статуэтке, а чего нет. – Расскажите, кто вам принес эту штучковину?

– Парнишка лет двадцати. Обычный курьер. Ему поручили показать «Юдифь» и узнать, сколько будет стоить такая вещь.

– И во что вы оценили эту старину? – стало интересно Гурову.

– Изделие восемнадцатого века я оценил в сто тысяч рублей. Естественно, я продал бы его значительно дороже, но и это, согласитесь, неплохая сумма. Паренек сообщил кому-то о цене, тут же отдал мне статуэтку и взял деньги. Если честно, я был очень доволен. Мне принесли хорошую вещь, что бывает довольно редко. В основном приносят монеты. Сейчас многие повадились ходить с металлоискателями, поэтому такого добра у меня в достатке, а вот статуэтки, китайские вазы, другая посуда – это стало редкостью. Было неприятно узнать, что у моей «Юдифи» криминальная история. Я в это дело ввязываться не хочу, поэтому будьте добры, заберите сие творение.

– А из какой службы был парень, вы не запомнили? – полюбопытствовал Лев Иванович.

– Отчего же нет?.. Запомнил, конечно. Местных популярных сервисов доставки всего три, все они отличаются цветами униформы. Этот парнишка был в бело-синей.

– Благодарим вас за помощь следствию, за то, что без сомнений отдали украденную у законных владельцев вещицу, – решил все-таки проявить уважение к старику Гуров и сделал своим спутникам знак покинуть антикварный салон.

– Лев Иванович, а действительно, зачем вы в пакет упаковали статуэтку, если отпечатки снять уже не представляется возможным? Просто из-за инструкции? Или все-таки есть какой-то нюанс?

– Аннушка, разве я делаю что-то просто так? Да, отпечатков там уже нет, но микроскопические следы крови покойной Фельцман могут остаться. Так в деле будет настоящее доказательство того, что именно «Юдифь» – орудие убийства. Даже очевидные вещи в нашем деле нужно доказывать.

– Как я понимаю, теперь нам нужен парнишка в бело-синей униформе? – озадаченно произнес Крячко.

– Верно, Стас. Вот завтра этим парнем и займемся. Не зря гостиницу бронировали, не зря...

Следующее утро началось с плановой поездки в курьерскую службу. Проверить, кто выезжал по известному адресу антикварного салона, не составило труда. Проблема оказалась в другом. Двадцатилетний парнишка, который осуществлял доставку, уволился несколько дней назад, и как его искать в большом городе – этого не знал никто. На данном этапе оставалось два адреса, которые необходимо было проверить: место, откуда курьер забирал статуэтку, и адрес проживания паренька. Адрес узнали в отделе кадров курьерской службы.

Работы становилось больше, и Анне уже казалось, что они проведут в Питере как минимум неделю, чего она явно не ждала и не планировала. Вечером не было совершенно никаких сил даже прогуляться по набережной. Все трое осели в гостиничных номерах и отдыхали. Следующий день обещал быть насыщенным. Утром Лев Иванович постарался сделать так, чтобы сэкономить драгоценное время.

– Стас, ты поедешь по адресу, где парнишка получил статуэтку, а мы с Аней рванем туда, где он живет, идет? Так дело пойдет быстрее, иначе будем еще долго торчать здесь.

– Идет, – согласился Стас и достал свой телефон, который до сих пор был выключен. – Мать моя женщина! Сто три пропущенных вызова!

– Дай угадаю, кто звонил, – рассмеялся Гуров. – У тебя полчаса на выяснение отношений, и вперед по делам.

Гурову предстояло найти общежитие на окраине города, куда сначала они с Аней добирались на метро, а потом на такси. Это оказался серый, непривлекательный район, который изобиловал разными полуподвальными хостелами. В одном из них и проживал курьер Арсений. Публика в таких общежитиях подбирается разношерстная, но всех жильцов объединяет стремление зацепиться в городе и желание заработать, поэтому в момент посещения заведения людей там было весьма мало, практически никого. Все трудились в поте лица на своих работах. За стойкой у входа дежурила полная женщина средних лет, во взгляде которой можно было заметить столько пренебрежения, что его с лихвой хватило бы на целый отряд тех, кто этого заслуживал. Гуров и Анна, по мнению этой «царицы» комнат временного пребывания, заслуживали подобного отношения:

– На час или на весь день? – грубо разорвала тишину низким голосом и вульгарным тоном дежурная.

Она быстро осмотрела с ног до головы вошедших и сделала вывод, что эти клиенты надолго в хостеле не задержатся.

– Да как вы смеете? – вдруг не выдержала Анна и пошла в наступление.

– А что тут такого? Вы – симпатичная, он – в полном расцвете сил, что вас так возмущает, дамочка, правда жизни? У нас все тихо, уютно, кровати не скрипят, вся будет в лучшем виде, заходите, не стесняйтесь.

– Вы не так поняли, – начал было Гуров, но не успел закончить фразу, как его оборвала дежурная.

– Да все я понимаю, не первый день живу, у нас таких скромников каждый день пар по пять набирается. Не вы первые, не вы последние. Вот вам ключи, комнату даю самую приличную. Ничего там не разбейте. С вас две тысячи рублей. Оплачиваем сразу.

Гуров и Анна оторопели от такой бестактности. И уже не пытались ей противоречить. Лев Иванович достал из портмоне пятьсот рублей и наконец прояснил ситуацию:

– Вы прекрасный администратор, но в этот раз немного ошиблись. Нам не нужен номер, но уйти просто так мы не можем. Вот вам бонус на шоколадку, – положил Гуров деньги под листок бумаги на стойке. – А теперь скажите, у вас в хостеле должен проживать паренек Арсений, есть такой?

– Ах, вы не по этой части!.. Да, был такой, – подтвердила женщина и одновременно переложила оставленную Гуровым купюру куда-то вниз стойки. – Был, но съехал пару дней назад.

– А почему съехал?

– Что-то не заладилось тут у него. Резко собрал вещи и сдал ключ, даже деньги назад не потребовал за оплаченный остаток месяца. Знаю, что приехал издалека, хотел заработать на отдых, родителям отправлял часть зарплаты. Скромный, тихий, проблем с ним не было. Больше ничего не знаю. Если хотите, вечером поговорите с его соседом по комнате, может, он что-то знает. А что этот пацан натворил?

– Нет, нет, ничего, просто он забыл трудовую книжку на работе после увольнения, вот, хотели найти его и отдать, – соврал Гуров. – Пожалуй, сделаем, как вы советуете, подождем его соседа.

– Пожалуйста, ждите. Он обычно приходит в хостел в обеденный перерыв, так что через часок-другой будет на месте. Можете у нас посидеть. А вообще тут за углом есть отличная кафешка, там будет вам удобнее и приятнее, – заулыбалась дежурная, подмигивая Гурову.

– Что, Анна, проголодалась?

В местном бистро готовили вкусно, сытно и недорого – все условия для рабочего класса, который составлял основную часть посетителей. Нашелся свободный столик у окна, так что коротать время было весьма удобно, а когда в руках смартфон, то стрелки часов и вовсе бегут незаметно. Выходить из кафе для беседы Гурову и Анне не пришлось – Магомед сам пришел к своей горе. Сосед Арсения был постоянным посетителем кафе в обеденное время и по наводке администратора хостела нашел тех, кто о нем спрашивал.

– Я ничего плохого об этом парнишке не могу сказать. Спокойный, в разборки между пацанами не лез, продукты не воровал, сам делился по возможности. Нормальный парень, – стал рассказывать мужчина.

– А почему так резко решил уехать? – спросил Гуров.

– Какие-то проблемы у него появились. Говорил, что предчувствие нехорошее. Ему показалось, что за ним следят. Хотел домой уехать, сказал, что там будет в безопасности.

– Значит, дорогу кому-то перешел?

– Не знаю, на него это не похоже, может, случайно вляпался в какую-нибудь историю. Больше он ничего не рассказывал, а я и не допытывался, у меня и своих забот полон рот. Уходил он поздно вечером, чтобы особо не светиться. Даже деньги не забрал за остаток месяца, а там приличная сумма. Для простого курьера это немалые деньги, знаете ли.

Маховик следствия раскручивался все сильнее и сильнее. Гуров уже не сомневался в том, что они идут в верном направлении. Где-то рядом витали дух убийцы и леденящая душу тень смерти. Полковник не сомневался в том, что эта тень идет по следу Арсения или уже его

настигла, поэтому следующим неизбежным шагом было знакомство с органами внутренних дел культурной столицы.

В приемной этих самых органов статус культурной столицы не нашел своего подтверждения. Сотрудники общались сплошь на нецензурном языке, потому как доставили в отдел нетрезвую гоп-компанию, а с подобным контингентом разговор должен был быть на понятном и доходчивом языке, без прелюдий.

Гуров не стал отвлекать сотрудников от столь увлекательного общения и решил, что лучше свести знакомство с помощью связей. Лев Иванович сделал несколько звонков, и через пару минут их с Анной уже встречали в кабинете следователя.

Объяснив сложившуюся ситуацию коллеге, Гуров предложил разослать розыскные ориентировки во все отделы, потому что понимал, что искать Арсения дома бесполезно. Даже если пареньку посчастливится выбраться из города целым и невредимым, то вряд ли удастся уехать далеко. Это, пожалуй, все, что мог сделать полковник на данный момент.

Крячко в противоположной части города исследовал то место, откуда курьер забирал статуэтку: промышленная зона, вокруг кирпичные стены, старые заброшенные дома, на одном из которых он и увидел табличку с нужным адресом. Полная разруха без признаков жизни явно давала понять, что человек специально назначил здесь встречу, чтобы потом ни у кого не было возможности его найти. Никаких зацепок, никаких следов, да разве их можно было обнаружить в старом доме с травой по пояс вместо пола?..

Под вечер компания сыщиков наконец отправилась на прогулку. Это был последний вечер в Питере перед отбытием в Москву.

– Что, Лева, негусто у нас в итоге, да?

– Не густо, но и не пусто. Есть основной вещдок, который отправится на экспертизу. Есть понимание, что Санкт-Петербург – неслучайный город, который выбран для сбыта статуэтки. Кстати, тут нужно сказать большое спасибо отцу Анны. Если бы не он, то вряд ли нам удалось бы обнаружить орудие убийства. Наши люди сработали бы значительно позже, и этот хитрец-старик явно не собирался продавать «Юдифь» с витрины. Ушла бы статуэтка в какую-нибудь частную коллекцию, и все, ищи-свищи. Пока не могу найти связь между Липатовым, Жанной и Питером. За Арсением велась слежка. С пареньком разбираются сейчас здесь, в Питере, а Липатов находится за сотни километров отсюда. Видимо, еще кто-то замешан в эту историю...

Глава 22

Троица вернулась в Москву. Несмотря на то что вопросов по делу было гораздо больше, чем ответов на них, Лев Иванович все же был доволен командировкой. Поле для деятельности было гораздо шире, чем прежде, и уже можно было строить серьезные версии. Этот этап расследования для Гурова был наиболее интересным. Он смотрел на следствие не так, как остальные, – объемнее, трехмерно. Работа была для него в удовольствие, а потому и посвящал он ей большую часть своей жизни. Семейное положение никак этому не мешало: понимающая жена оказалась для Гурова настоящей наградой в жизни. Мария тоже жила работой и успевала быть примерной супругой, а помимо всего прочего и помощницей. Однако, как это бывает, не всегда все получается:

– Лева, кажется, все пропало! – взволнованно дыша в трубку, проговорила Мария.

– Что пропало, Маша, ты чего так волнуешься, что случилось?

– Все пропало, дура я, дура. Расслабилась, и понеслось...

– Да говори уже! Не причитай.

– Я была в своем фургончике, повторяла роль, как вдруг пришел Вадим. Сначала мы говорили о работе, об отношениях с коллегами. Я не очень-то была рада тому, что он так долго находится рядом, ведь все видели, что он ко мне зашел. Начала нервничать, грубо попросила его уйти. А он, представляешь, вел себя так нахально, как никогда раньше, специально старался остаться дольше, чтобы показать всем, что у нас с ним есть связь. Приставал ко мне. Я возьми и ляпни: «Я тебе не Дашка, Машка или Жанка, со мной так не пройдет».

– Маша, как же так?! – сокрушаясь, воскликнул Гуров.

– Вот так, Лев! Язык мой – враг мой.

– А он что? Как отреагировал?

– Он остолбенел. Я тоже растерялась, но постаралась не подавать виду. Минуту молчал, а потом спросил, откуда я знаю про Жанну. Пришлось соврать, что навела справки о нем, чтобы знать, с кем работаю и близко общаюсь. Якобы нашла общих знакомых, имен которых раскрыть не могу, они и рассказали о девушке по имени Жанна и о том, что у него с ней были отношения.

– Что же Липатов? Не отрицал?

– Нет, отрицать не стал, но и рассказывать ничего не торопился. Сделался хмурым, угрюмым и вышел прочь из моей «кибитки».

– М-да, ну и дела... Но ведь ничего страшного не произошло. Ты отлично выкрутилась, и пусть это был весьма серьезный прокол с твоей стороны, но закончилось все хорошо. Не волнуйся и продолжай следить за ситуацией. А мне придется вызвать Липатова на допрос, пришло его время. Благодаря твоей досадной оплошности я теперь точно знаю, что это именно тот Вадим, который знаком с Жанной.

– Спасибо, Лев, что подбодрил меня, я так боялась, что все испортила. Как ты съездил, как Питер?

– Как и прежде: переполнен снующими везде и всюду туристами, поражает своей серостью и неприветливостью окраин, а именно там, на задворках, мне и пришлось провести большую часть поездки. Так что в этот раз Эрмитаж остался без моего визита, к сожалению.

– А что, удалось ли что-то выяснить?

– Удалось достать орудие преступления, которое мне, кстати, нужно сейчас же отправить на экспертизу.

Гуров попрощался с женой и отправился напрямик к эксперту-криминалисту, чтобы не тянуть с передачей статуэтки из рук в руки. Тем более, зная стоимость этого предмета, полковник не хотел рисковать его целостностью. А еще он просто сгорал от любопытства – остались следы крови на вещдоке или нет.

– Сергеевич, скажи мне, реально будет получить образец с такого предмета? – спросил Гуров, доставая из пакета статуэтку «Юдифь». – Видимых следов крови нет. Она чистая, потеряли ее хорошо, но предположительно именно этой вещицей нанесли смертельный удар по голове одной старушке.

– Лев, что тебе сказать на это?.. – открыл пакет эксперт и начал внимательно рассматривать предмет. – У нас тут разное приносят. Жулики и мыльной водой отстирывают вещи, и спиртом, и даже бензином, но это не помогает. Все равно пятна крови удаляются только лишь механически, а ведь до конца кровь не растворяется. Иногда просто меняется цвет, или микро-частицы остаются в глубоких слоях между ворсинками одежды или в трещинках, как, например, может быть в случае с твоей статуэткой. Я допускаю, что могут быть там следы крови, но если не так – не обессудьте. Оставляй, внимательно рассмотрю статуэтку, а заключение будет завтра утром.

– Спасибо!

– Только оформи бумажки, направь как следует, мне для отчетности нужно. Замучила эта бюрократия. Нет свободы в работе, на каждый чих нужна отписка.

– Ты мне это не рассказывай, Сергеевич, я и сам в куче документов прозябаю, а мог бы горы свернуть.

– А что Орлов, про повышение твое ничего не говорит?

– Нет, я не в этом смысле, мне награды и почести в виде чинов и званий не нужны. Я про полет души в работе, про азарт. Слишком много сил и энергии уходит на фиксацию оперативно-разыскных мероприятий. Молодые приходят, вижу, глаз горит, хотят работать, а потом сталкиваются с документооборотом, и все желание улетучивается. Такие хорошие кадры теряем. Я уже знаю, как тестировать нового сотрудника: сначала загрузить его оформлением протоколов, а только потом давать задания на логику. На первой стадии все и покидают наше чудесное заведение. Остаются самые стойкие, но таких мало. Вот и работает старая гвардия на прежних местах, не выпрашивая новых должностей.

– Крячко тоже на месте?

– А как же! Мы с ним как одно целое. На самом деле он и друг хороший, и коллега. За столько лет узнали друг друга от и до. Молчим, когда чувствуем, что закипаем, подбадриваем друг друга, когда что-то не клеится. Я дорожу его дружбой. В наше время, Сергеевич, все обесценивается, живем, как бабочки-однодневки, потребляя и потребляя. Знакомства и те виртуальными стали. А дружба временем проверяется, не зря же поговорку про пуд соли придумали.

– Да, это так. Я недавно дружка своего закадычного похоронил, так теперь и поболтать не с кем. Сорок лет мы с ним вместе на рыбалку мотались. Все подмосковные озера исследовали, а сейчас на удочку и смотреть не могу, воспоминания тоску нагоняют.

– Я не рыбак, но тебя понимаю, Сергеевич... Ладно, заболтался я с тобой, нужно бежать.

– Ну, давай, не забывай старика. А по поводу статуэтки не беспокойся: сделаю все в лучшем виде и ко времени.

«Следующим шагом будет разговор с Липатовым, но как его вытащить из захолустья, где он сейчас обитает? – обдумывал Гуров. – Нужно ведь как-то объяснить свой интерес, при этом не спугнуть его. Да, задача не из простых, но, кроме тебя, Лев, никто этим заниматься не будет. Думай!»

Пока Лев Иванович рассуждал и спорил сам с собою, он не заметил, как оказался в кабинете и даже не удосужился поздороваться со всеми присутствующими, настолько был погружен в решение следующей задачи. Аня и Стас не беспокоили полковника, потому что даже непроницательному человеку было бы ясно, что в голове у сыщика зарождается новая идея.

Гуров попросил плотно закрыть дверь и поднял трубку рабочего телефона:

– Вадим Алексеевич, добрый день. Вас беспокоит старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Гуров Лев Иванович. Жанна Валентиновна Вайцеховская давала

мне пояснения по делу об убийстве ее родственницы и указала вас как лицо, которое может поделиться важной информацией. Достоверно известно, что Жанна была в день совершения преступления в квартире убитой. Вайцеховская утверждает же, что весь день была с вами. Нужны ваши пояснения по этому вопросу. Когда вы сможете явиться для беседы?

Крячко и Анна слушали разговор и понимали, что Гуров блефует. В показаниях Жанны не было подобного, но ход мыслей полковника улавливался.

– Договорился. Будет завтра на месте. Вот и хорошо, вот и славно, теперь я вздохну с облегчением, – сообщил довольный Гуров.

– Лев Иванович, вы думаете, он убил и сознается? – не понимая радости полковника, спросила Аня.

– Я думаю, что мне стоит с ним поговорить, а это значит – он попал в круг моих подозреваемых и может быть убийцей. Это чудесно, что Липатов явится уже завтра. Я даже не предполагал, что будет так просто его убедить. Возможно, есть в чем-то подвох, ну да ладно.

Глава 23

– Лева, питерские товарищи звонили, – огорошил Стас Гурова с утра пораньше. – Нашли в Неве тело молодого человека со следами насильственной смерти. По описанию похож на Арсения, лицо обезображено, поэтому личность будет установлена только после экспертизы.

– Нашли, говоришь, – задумался Лев Иванович. – Эх, не удалось парнишке дома побывать, как я и предполагал. Убрали ненужного свидетеля. Избавились. А что в деталях? Как убили?

– Был привязан к чему-то тяжелому и сброшен в реку, но веревка не выдержала, и тело оказалось на поверхности. Обнаружили его рано утром. Компания молодых людей встречала рассвет на набережной и увидела в воде труп.

– Удивительно, что они сразу в полицию позвонили, обычно молодежь не ввязывается в подобное, проходит мимо: «Я ничего не видел, моя хата с краю».

– Да, Лев, ты прав. Нравнодушных людей сейчас мало. Мир жесток. Вот хотя бы взять этого курьера. Жил, работал, старался родителям помогать. За что его так? Досадно.

– Стас, ты как будто впервые с подобным сталкиваешься. За столько лет пора привыкнуть к тому, что идеального общества нет. Как были моральные уроды рядом, так и остаются. Покуда будут существовать деньги и материальные блага, будет проливаться кровь безвинных людей, а значит, всегда.

В кабинет едва слышно вошел Орлов:

– Что, архаровцы, когда дело по драгоценностям в суд передавать думаете? Сроки идут, а результатов нет.

– Петр Николаевич, спешка нужна при ловле блох, как известно. Сейчас на повестке дня стоит соединение теперь уже нескольких уголовных дел в одно производство, дабы осуществить полное, всестороннее, объективное расследование.

– Прямо как по учебнику шпаришь, Лева. Что стряслось?

– Новый труп. На сей раз в Питере.

– А что по доказательствам, есть? Как привязывать и обосновывать будешь?

– Будут с минуты на минуту, почему-то даже не сомневаюсь в этом. Мне обещали к завтраку подать результаты экспертизы по оружию преступления.

– Эх, ребята, весело живете, – сыронизировал генерал.

– Да, Петр Николаевич, вашими молитвами, – съязвил Стас.

Как раз в присутствии Орлова принесли долгожданные результаты экспертизы. Гуров буквально выдернул папку из рук сотрудника и принялся внимательно изучать ее содержимое.

– Что, Лев? Что там? Не доводи до инфаркта, – поторопил Крячко.

– Что... Поверхность предмета пористая, с трещинами... Так, так, так... Выводы, где же выводы, – искал глазами Гуров конец документа. – Есть! Слышите, есть! Следы крови имеются, и на мой вопрос о том, идентичны ли образцы крови с кровью потерпевшей – ответ утвердительный. Кровь на статуэтке принадлежит убитой Фельцман Татьяне Николаевне. Что и требовалось доказать!

Гуров, испытывая возбуждение, стал курсировать по кабинету от окна до двери. Это была маленькая победа. Теперь мозаика начала потихоньку складываться воедино, только вот концы уводили в другой город, и именно там, в Питере, была вторая жертва. За Жанной ведется слежка, Вадим тоже под строгим контролем Марии далеко от Северной столицы. Выходит, Липатов ни при чем? Как бы то ни было, но Вадим должен появиться в самое ближайшее время, и Гурову уже не терпелось задать ему уйму вопросов.

Встреча должна была проходить в той же переговорной, в которой допрашивалась Жанна. Липатов – скользкий хитрый тип, и нужно было его не спугнуть, а умело раскрутить на разго-

вор. Гуров сидел на месте, делая вид, что занимается своими делами, когда в помещение вошел стройный обаятельный молодой человек. Лев Иванович, увидев привлекательную наружность Вадима, понял, почему все женщины так восторженно о нем отзывались. Было в нем что-то харизматичное: яркий, миловидный и в то же время brutальный, действительно все при нем.

– Добрый день, прошу вас, проходите, садитесь, – начал Гуров.

– Добрый день в таком учреждении не начинается, да и сесть не хотелось бы, – попытался юморить Липатов.

– А что, есть предпосылки для того, чтобы сесть? – подхватил шутку полковник.

– А вот об этом лучше у вас спросить. Лев Иванович, кажется?

– Да, в точку, он самый.

– Давайте сразу к делу, у меня мало времени, я сейчас на съемках в другом городе.

– Вы актер?

– Да, артист больших и малых, – съязвил Липатов, давая понять, что это никого не касается.

– Наш разговор не займет много времени. Скорее всего, вам известно, что бабушку Жанны Вайцеховской убили?

– Конечно, известно, вы же мне сами об этом сказали по телефону, разве не помните?

– Курите? – Гуров достал сигарету и закурил, жестом предлагая то же самое сделать Вадиму.

– Нет, благодарю, я эту вредную привычку бросил давно.

– Похвально, а я никак не могу. Работа, знаете ли, нервная.

– Так что вам мешает уйти из органов? Хлопнули дверь, и дело с концами.

– Дело с концами, – тихо повторил Гуров. – Вот именно, что с концами. Преступления-то нужно кому-то расследовать. Вот, например, встал вопрос о том, причастна ли Жанна Вайцеховская к смерти своей бабушки. Представляете, говорит, что не было ее в день убийства на месте, хотя доказано обратное. Утверждает, что была вместе с вами дома и никуда не выходила. Кстати, в каких отношениях вы с Жанной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.